

ВОЙНА И ОНИ

Ханс фон Люк

НА ОСТРИЕ ТАНКОВОГО КЛИНА

Воспоминания
офицера вермахта 1939–1945 гг.

Война и они

Ханс фон Люк

**На острие танкового
клина. Воспоминания
офицера вермахта 1939–1945**

«Яуза»

2006

Люк Х.

На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта 1939–1945 / Х. Люк — «Яуза», 2006 — (Война и они)

Молодой командир эскадрона разведки, Ханс фон Люк, одним из первых принял участие в боевых действиях Второй мировой и закончил ее в 1945-м во главе остатков 21-й танковой дивизии за несколько дней до капитуляции Германии. Польша, Франция, Восточный фронт, Северная Африка, Западный фронт и снова Восточный – вот этапы боевого пути танкового командира, долгое время служившего под началом Эрвина Роммеля и пользовавшегося особым доверием знаменитого «Лиса пустыни». Написанные с необыкновенно яркими и искусно прорисованными деталями непосредственного очевидца – полковника танковых войск вермахта, – его мемуары стали классикой среди многообразия литературы, посвященной Второй мировой войне. Книга адресована всем любителям военной истории и, безусловно, будет интересна рядовому читателю – просто как хорошее литературное произведение.

© Люк Х., 2006

© Яуза, 2006

Содержание

От автора	5
Предисловие	7
Пролог	9
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ханс фон Люк

На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта 1939–1945

От автора

Хотя даты и места событий, а также фамилии действующих лиц этой книги проверены и уточнены, она ни в коем случае не претендует на звание хроники. Мои воспоминания – просто попытка воссоздать то, через что пришлось пройти молодому немцу в годы, которые навсегда изменили Европу и почти весь мир.

В основе ее лежит Вторая мировая война. Она и предшествующие ей годы показывают, как нетерпимость и умелая пропаганда способны поднять одни народы на кровавую борьбу против других и привести их к страданиям.

Я посвящаю книгу трем своим сыновьям, появившимся на свет в период с 1954 по 1970 г., ибо повествование мое адресовано *им* – тем, кто родился во время войны и после нее. Мой сын Саша, самый младший, однажды спросил меня: «А что вообще значит наци? Что «плохого» было в Гитлере? Почему же весь народ «пошел» за ним?» Ему и его поколению я хотел бы дать ответ. Многие учителя, сами родившиеся во время войны и после нее, не дают его или если дают, то не полный и подчас не верный. Старшие же, по тем или иным причинам, хотят обойти тот период молчанием.

Во множестве бесед с молодыми людьми в Германии, в Великобритании и во Франции, в бесчисленных выступлениях перед студентами американских университетов я сделал вывод о том, что молодежь желает разъяснить для себя события того времени, информация о котором доходит до нее в искаженном виде.

Поэтому я, например, категорически не согласен с теми, кто однозначно называет русских «плохими», а нас на Западе – «хорошими».

Слишком просто!

Из моей книги читатель узнает, что и русские любят свою родину не меньше, чем мы свою. Во время войны русские матери и жены так же тревожились и не спали ночей из-за своих мужей и сыновей.

Мне хотелось построить свой рассказ на различных воспоминаниях – на приятных и грустных – в надежде на то, что опыт мой как-то послужит тому, чтобы события, свидетелями которых мы стали в Германии перед войной и во время нее, более не повторились нигде. Не может не удручать то обстоятельство, что за период, прошедший после окончания Второй мировой, по причинам политического, экономического и идеологического характера велось (или еще ведется) более 150 войн.

Я благодарю всех, кто помог мне написать эту книгу. Без участия моего друга, профессора Стивена Эмброуза из университета Нового Орлеана, она бы никогда не появилась на свет. Он «заставил» меня вспомнить и описать увиденное и пережитое и то и дело подбадривал меня, давая стимул продолжать работу.

Я говорю спасибо британскому майору Джону Хауарду, моему противнику в день «Д», герою «Моста Пегаса» и моему доброму другу сегодня. Джон говорил и говорит любому: «Если хотите знать, как все виделось «с той стороны бугра», спросите моего друга Ханса».

Я выражаю признательность Вернеру Кортенхаусу, автору хроники 21-й танковой дивизии, за всеобъемлющий материал, предоставленный им в мое распоряжение.

Спасибо и всем моим товарищам по годам плена – тем, кто делил со мной судьбу в те пять долгих лет в России и с кем мы теперь поддерживаем контакт через Ассоциацию узников лагеря № 518. Многие помогли мне освежить память или же, описав собственные впечатления, позволили по возможности нагляднее рассказать о жизни в ГУЛАГе.

Многие – среди них мой адъютант Хельмут Либескинд и мой денщик и друг Эрих Бек – из тех, кто сражался плечом к плечу со мной на фронте почти пять лет, тоже так или иначе посодействовали мне в работе над этой книгой.

Моя особая благодарность Джорджу Анвину из графства Суррей в Англии. Будучи практически одних лет со мной, Джордж перевел мою рукопись на английский просто из дружеских чувств, стараясь при этом идентифицировать себя со мной. Мои американские и британские друзья, которые читали текст, все без исключения заявляли: «Мы слышали голос Ханса, до нас донеслось каждое его слово».

Последней – но лишь «хронологически» – я упомяну мою жену, Регину, которая проявила огромное терпение и оказала мне все возможное содействие. Почти четыре года она поддерживала меня в работе над рукописью, помогала в сборе материалов и находила время перепечатывать сотни страниц.

Меня глубоко тронуло предисловие, написанное к книге Стивом Эмброузом. Он словно бы пропустил мой опыт через себя. Я горжусь возможностью называть своим другом этого замечательного человека, писателя и историка.

Предисловие

С Хансом фон Люком я познакомился в ноябре 1983 г. в Гамбурге. Я собирал материал для работы, посвященной захвату планерным десантом из британской 6-й воздушно-десантной дивизии «Моста Пегаса» через Канский канал, и приехал, чтобы взять у него интервью как у участника боевых действий в день «Д». Он появился в моем гостиничном номере ровно в четыре часа дня, как мы и условились.

Мне сразу понравился этот невысокий, крепкий и подтянутый джентльмен, казавшийся, несмотря на седину, еще довольно молодым. Но всмотревшись в обветренное, испещренное морщинами лицо, я понял, что имею дело с человеком далеко не юным (ему было тогда уже 72). Черты его лица были резкими, нос ястребиным, глаза глубоко посаженными, подбородок волевым, лоб и скулы высокими, уши большими и немного выступающими. Несмотря на деловой костюм, было нетрудно представить его облаченным в застегнутую на все пуговицы «тропическую» полевую форму с высоким узким воротником и с Рыцарским крестом на шее. Мне явственно увиделась немецкая офицерская фуражка и защитные очки; пыль Северной Африки покрывала его.

Мы заказали кофе в номер, а он тем временем развернул свои карты Нормандии. По-английски он говорил с акцентом, но очень понятно. Изысканность манер выдавала в нем аристократа Старого Света. Он одну за одной курил сигареты «Марлборо-Лайтс». Люк с готовностью поделился со мной своими воспоминаниями о боях в Нормандии, с горячностью поддерживал мой проект.

Мы проговорили почти без перерыва четыре часа. Я получил детальный отчет о его действиях в ночь с 5 на 6 июня 1944 г., а также составил себе представление о его службе в других местах. Как военный историк, я, разумеется, с восторгом слушал рассказы человека, которому в 1939 г., в первый день войны, довелось со своим мотоциклетно-стрелковым эскадром перейти границу Польши, затем действовать в авангарде Роммеля, когда его танки рвались к Ла-Маншу в июне 1940 г., побывать в предместьях Москвы в ноябре 1941 г. и прикрывать правый фланг Роммеля в глубине пустыни в Северной Африке в 1942–1943 гг., а также командовать мотопехотным полком, который первым вступил в бой в день «Д» в 1944 г. Рассказы о пережитом им в лагере для военнопленных в Советском Союзе в 1945–1950 гг. захватывали и поражали. Он часто упоминал о своей любви к русским, о сочувствии к ним, что казалось невероятным после всего того, что пришлось ему вынести в плену, однако ему поневоле верилось.

Как бы сильно я ни восхищался Хансом как профессиональным солдатом, еще больше я был тронут и очарован им как человеком. Он показал себя добрым, открытым и – это слово все время мне приходит на ум, когда думаю о нем, – благородным. За 25 лет бесед с ветеранами из многих стран я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь так складно говорил о войне. Если не считать Дуайта Эйзенхауэра, я никогда не встречал ветерана, который вызывал бы у меня больше интереса и восхищения. Я призываю всех американских читателей, которые склонны думать, что все хорошие немцы или уже мертвы, или эмигрировали в США, отбросить предвзятость, взяв в руки книгу Ханса. Он заслуживает внимания и уважения.

Хотя перед вами воспоминания профессионального военного, написаны они не для курсантов училищ и колледжей, а предназначены для обычной аудитории. Ханс мастерски рассказывает обо всем, что берется описывать, будь то забавная история или трагическое происшествие. Для воина, который почти не покидал передовой с сентября 1939 по апрель 1945 г., он удивительно мягок, а для героя, награжденного самыми высокими орденами за храбрость и доблесть, поразительно скромно. Для человека, принужденного в плену трудиться как раб на тяжелой и грязной работе, он исключительно великодушен. Он хочет понять людей, он сочувствует им и говорит о них с юмором, терпимостью и искренним интересом.

В предлагаемых вниманию читателя воспоминаниях – жизнь. Начинаются они тем, как прусский аристократ, следуя традициям рода, поступает на службу в армию. Мы наблюдаем за тем, как он учится, сопровождаем его в путешествиях, становимся свидетелями восхождения к власти Гитлера и того, какое воздействие оказывает политика Гитлера на возрожденную немецкую армию. Ханс с разведывательным эскадром переходит границу Польши и затем идет от победы к победе по дорогам и полям сражений во Франции и России. В Северной Африке он впервые познает горечь поражения, но скоро судьба приводит его в Париж, где, поселившись в мансарде под крышей, он живет, наслаждаясь жизнью. Мы становимся свидетелями его военного романа. Затем идет череда поражений: в Нормандии – от британцев, на востоке Франции – от американцев и, наконец, к югу от Берлина – от русских. И вот плен – рабский труд в лагере на Кавказе, где Ханс добывает уголь, строит дома и дороги.

Попутно он рисует нам замечательные портреты людей, которых встречает: священник в соборе Смоленска, хозяйка борделя в Бордо, бедуины в пустыне, его друзья-французы в оккупированном Париже и многие-многие другие.

По страницам его книги проходят чередой видные немецкие военачальники, в том числе Йодль, Кессельринг и Гудериан. Однако главный герой, если, конечно, не считать самого Ханса, фельдмаршал Эрвин Роммель. Ханс знал его еще с тех времен, когда Гитлер не был канцлером, а Роммель – генералом. С 1940 по 1944 г. Ханс служил в основном под началом Роммеля, командуя разведывательным батальоном сначала в его дивизии, потом в корпусе, потом в армии (и, наконец, полком в группе армий). Именно этим генералом Ханс восхищается более всего, и нет сомнения, что Роммель не просто высоко ценил Ханса, но доверял ему свои помыслы и считал человеком близким, почти таким же близким, как собственный сын. Таким образом, Ханс имел возможность описать не только Роммеля-солдата, но и Роммеля-человека. У него вышел блестящий портрет военачальника, которого многие военные историки (в том числе и я) считают лучшим полководцем Второй мировой.

Но, наверное, самый настоящий герой книги – немецкий солдат. С ним Ханс не расстанется ни в 7-й танковой дивизии во Франции и в России, ни в 21-й танковой дивизии в Северной Африке, ни в Нормандии, ни на востоке Франции, ни в Германии. Автору не приходится краснеть за героя, напротив, он заставляет автора восхищаться собой – поражаться своей выдержке, выучке, храбрости и верности долгу. Таков и сам полковник фон Люк, один из выдающихся солдат Второй мировой войны. Он написал превосходные воспоминания. Смело берусь пророчествовать: мемуары его будут читать и перечитывать многие поколения.

Стивен Эмброуз

Пролог Домой!

Это было морозной зимней ночью 1949 г. в особом лагере для военнопленных неподалеку от Киева. Часа в два дверь барака распахнулась.

– Ганс фон Люк! – прокричал русский охранник. – Давай в контору!

И теперь не могу сдержать улыбки, когда вспоминаю об этом. У русских нет в точности такого звука, с которого начинается мое имя. Помню, как мы поражались, как они произносят фамилию «Hohenlohe» – у них выходит «Гогенлоге»¹. (Мы, немецкие военнопленные, находились в России с июня 1945 г. В конце осени 1948 г. бывших военнослужащих СС и сотрудников полиции, а также тех, кто участвовал в борьбе с партизанами, собрали и отправили в штрафной лагерь. Туда же – чего никто из нас не мог постичь – поместили и офицеров штаба.)

Полусонный, я поднялся. Русские обожали водить на допросы по ночам. У сонного легче вытянуть побольше сведений.

За несколько недель до этого лагерная переводчица – врач-еврейка, с которой я подружился, – сказала мне о грядущих переменах:

– Я слышала, что под давлением западных союзников Сталин согласился выполнить условия Женевской конвенции и отпустить пленных. Из обычных лагерей всех уже отправили по домам, но и здесь тоже многих освободят. Правда, пятнадцать процентов останутся в России как виновные в разного рода злодеяниях. Военным преступникам на свободу хода нет. Кроме того, стране нужны рабочие руки.

Вскоре и в самом деле прибыла комиссия из Москвы. В ходе ночных допросов, по каким-то недоступным нашему пониманию критериям, члены ее отбирали те самые 15 процентов, остальных же и в самом деле собирались отправить домой. Решение кого куда принимали пять человек.

И вот наступила моя очередь!

Нервы мои были натянуты как струны, но я заставил себя выглядеть спокойным. Я и раньше неплохо говорил по-русски, а в плену получил возможность улучшить свои знания, потому меня довольно часто привлекали как переводчика. В конторе меня ожидала молодая переводчица, которую я хорошо знал. Я шепнул ей:

– Я не знаю по-русски ни слова, вообще ничего. Понимаете, да?

Она с улыбкой кивнула, согласившись играть в мою игру.

Меня привели в большую комнату, где я увидел перед собой Т-образный стол, за которым располагались члены комиссии. В середине сидел русский полковник, по всей видимости, председатель, довольно располагающей наружности мужчина примерно моих лет, весь в орденках и с почти квадратной головой. Он чем-то походил на маршала Георгия Жукова, «освободителя» Берлина.

По бокам от председателя находились гражданские – вероятно, военный судья и офицеры КГБ². Они уставились на меня непроницаемыми взглядами и вовсе не казались приветливыми. Я с переводчицей занял место на другом конце стола, метрах в шести-семи от комиссии.

---

¹ Таковы тогдашние правила нашей транслитерации. В действительности же *Hohenlohe* должно звучать приблизительно как *Хознлоэ*. По-русски немецкое имя *Hans*, также начинающееся с придыхательного «Х», было принято произносить как «Ганс», что для немца звучит забавно, поскольку на его языке слово *Gans* означает «гусь». Позже российские переводчики стали употреблять более точное написание и произношение данного имени (в частности, переводить его как *Ханс* рекомендует справочник Р. С. Гиляровского и Б. А. Старостина «Иностранные имена и названия в русском тексте». Издание второе. М., 1978. С. 136) (*прим. пер.*).

² В то время организация называлась МГБ (Министерство Государственной Безопасности; ранее НКВД и НКГБ, затем МВД и, наконец, – с марта 1954 г. – КГБ), но автор, писавший воспоминания в 80-е годы прошлого века, при этом ориенти-

Начался разбор моего дела.

– Ваша фамилия? Номер части? Где именно участвовали в боях на территории России?

Я ответил по-немецки, а переводчица перевела:

– Меня спрашивали об этом уже раз двадцать, не меньше.

– А мы еще хотим послушать, – сказал полковник.

Как видно, мои ответы сходились с тем, что было написано в документах. Члены комиссии кивали.

Потом раздалось:

– Так вы капиталист и реакционер. Фон Люк – то же, что фон Риббентроп (министр иностранных дел при Гитлере) или фон Папен (канцлер до Гитлера). Все с фамилией на «фон» – крупные капиталисты и фашисты.

Прослушав перевод, я возразил:

– Риббентроп и Папен сами по себе, а я сам по себе. Более пяти лет я провел на фронте и вот уже пять – в плену. Эти десять лет – десять лет моей жизни. Мне бы хотелось вернуться к семье и наслаждаться мирной жизнью, работать. У меня нет ни денег, ни земельной собственности, так к чему говорить о капиталистах и фашистах? К чему такие разговоры?

Переводчица перевела все слово в слово.

По всему видно, больше у них на меня ничего не было. Полковник без обиняков обратился к коллегам по-русски:

– Ни в полиции, ни в СС он не служил. Когда у нас шла партизанская война, он уже был в Африке. Однако мне не по душе отпускать этих фонов.

– Можно вменить ему кражи яиц в русских деревнях и селах, – вступил в разговор один из офицеров КГБ, – или еще совершение актов вредительства против русского народа.

Сердце у меня екнуло. Я-то знал, что за любую малость человека лет на десять, а то и на пятнадцать могли отправить в лагерь особого режима.

Я поднялся и выругался – выругался так, как умеют только русские, да еще, говорят, венгры. На лице переводчицы читалось глубочайшее удивление, полковник и остальные члены комиссии тоже были поражены. Не видя для себя иной возможности в обозримом будущем попасть домой, я шел ва-банк.

Выдержав для пущей важности паузу, я заговорил:

– Полковник, ведь ты такой же, как и я, я тоже полковник, – я намеренно говорил ему «ты». – Ты тоже делал свое дело на войне, как и я. Мы с тобой оба принимали присягу. Каждый из нас считал, что воюет за свою родину. Но нас, немцев, одурачили – мастерски одурачили политической пропагандой.

Полковник слушал меня внимательно.

– Сейчас уже три, – продолжал я, – я очень устал. В шесть нас поднимут, и начнется еще один день – еще один день нашего плена. Я знаю, как принято у русских. Обвиняемый должен доказывать свою невиновность, а не суд виновность обвиняемого. Так чего ж мне защищаться? Если ты решишь оставить меня здесь, причина, чтобы сделать это, у тебя найдется. Так чего тянуть? Делай свое дело и отпускай меня спать.

После моих слов полковник со своими коллегами принялся перешептываться. Затем полковник произнес:

– Вы говорите по-русски. Где вы выучили язык? – в тоне не чувствовалось ни подозрительности, ни раздражения.

руясь на молодежь, часто называет ее КГБ, опасаясь, что иначе его, возможно, не поймут. Иногда, впрочем, он использует аббревиатуру НКВД. Есть вероятность, что он и сам не знал точного названия, поскольку, скажем, за период в двадцать лет – с 1934 по 1954 г. – ведомство меняло свое название несколько раз, причем наибольшее количество перестановок – в том числе разделение на две организации (НКВД и НКГБ), затем слияние в одну, опять разделение и вновь слияние (МГБ в 1946 г.) – приходится как раз на 40-е годы (*прим. пер.*).

– В молодости я увлекался русским языком, русской музыкой, читал книги русских писателей. Еще задолго до того, как началась эта чертова война, научился говорить по-русски, общаясь с эмигрантами. Девять месяцев прослужил в России, не говоря уже о последних четырех с половиной годах, в которые у меня было немало возможностей для того, чтобы совершенствоваться. Признаю, что, притворившись, что не понимаю по-русски, я схитрил – сделал тактический ход.

Они заулыбались, и мое положение показалось мне на миг не таким уж безнадежным. Затем полковник неожиданно спросил:

– Что вы думаете о России и о ее народе?

– Я многое повидал и много узнал за годы плена. Мне нравится ваша огромная страна, нравятся люди, их готовность помочь и их любовь к своей родине. Уверен, я не так уж мало разбираюсь в русских и понимаю их душу. Но я не коммунист и никогда в жизни им не стану. Меня огорчает то, что вышло из идей Маркса и к чему привела революция Ленина. Мне бы очень хотелось, чтобы наши народы научились понимать друг друга, несмотря на множество различий в идеологии и мышлении. Это мой ответ на твой вопрос, полковник.

Я играл – рисковал, но чувствовал, что в сложившемся положении лучшая защита для меня – нападение.

– Мы считаем, что, если отпустить вас, – продолжал полковник, – вы рано или поздно вновь будете сражаться против нас.

Я покачал головой и ответил:

– Мне бы очень хотелось вернуться домой и помогать людям возрождать из руин страну, строить демократическое общество и жить в мире. Более ничего.

Полковник подвел итог слушанию моего дела – произнес панибратское «давай».

Затем я вернулся в барак, где мои товарищи военнопленные окружили меня, и я передал им содержание беседы, после чего они едва ли не хором заключили:

– Вы с ума сошли. Вы же подписали себе смертный приговор. Вас не выпустят.

Однако я думал о русских по-иному.

Следующим утром переводчица сказала мне.

– Вы здорово рисковали, полковник. Но вы молодец. Думаю, вы произвели впечатление на полковника. Он фронтовик, как и вы, и любит, когда говорят прямо и не таясь.

Еще два дня спустя до рассвета меня поднял из постели голос охранника. Мои товарищи напутствовали меня:

– Всего самого лучшего, старина, куда бы ни лежала вам дорога.

На улице со своими нехитрыми пожитками собрались другие пленные из разных барачков. Перед строем за столом сидел русский офицер со списком и одну за другой выкрикивал фамилии. Тот, кого вызывали, шел к столу, где слышал либо «давай», что означало освобождение, либо роковое «нет».

Мы видели потерянные лица тех, кто услышал «нет», – смотрели на них и не верили. Из нашего отделения я был третьим, кого вызвали к столу. Когда человеку передо мной сказали «нет», я сочувственно похлопал его по плечу, а что скажут мне?

Мне сказали «давай».

Мне казалось, что я не иду, а лечу к воротам лагеря. С души моей упал камень. Мы шли и боялись оглянуться – а вдруг показалось и сейчас нам прикажут вернуться. Неужели и правда свобода?

У ворот я встретил переводчицу.

– Домой, полковник. Всего хорошего.

Я и сегодня вспоминаю ее – вспоминаю с благодарностью.

Затем мы строем прошагали к станции, где уже стоял состав, готовый умчать нас оттуда. Но мы все еще не верили русским. В какую сторону повезут? Однако когда мы вошли в вагоны, двери остались незапертыми впервые за все пять лет. Радость наша не знала границ. Мы никак не могли поверить в то, что день, о приходе которого мы так мечтали все эти годы, наконец наступил.

Было холодно, но мы все же оставили двери распахнутыми из страха, что их снова запрут снаружи. Мы лежали, прижавшись друг к другу и почти не чувствовали холода.

Некоторые тихонько пели, другие мечтали о том, что будут есть, третьи рассуждали, каково будет после стольких лет увидеть жену или подругу. Никто не стыдился показывать чувства. Все мы знали, что вернуться домой будет означать все равно, что заново родиться.

Я в своих мыслях отправился в далекую юность, в теплоту и уют родительского дома, в тишину и спокойствие тех лет, когда не было Гитлера и не было войны. Из неполных 39 лет жизни более 10 лет пришлось на войну и плен.

Глава 1

Детство и юность 1911–1929 гг

У моего рода давние военные традиции, корни которых удастся проследить уже в тринадцатом веке. Согласно монастырским записям, предки мои с честью бились против татар в Силезии в 1213 г.³ – с того самого времени им позволялось носить в гербе изображение татарского головного убора. В соответствии с традицией, мужчинам полагалось служить в прусской армии. Фамилия «фон Люк» не раз появлялась в письмах Фридриха Великого; два оригинала даже висят на стене в гостиной моего дома в Гамбурге. 29 мая 1759 г., когда шла Семилетняя война, король писал «лейтенанту фон Люку», которого просил разузнать о том, что замышляет противник – в данном случае австрийцы:

«Мой дорогой лейтенант фон Люк. Я доволен вашими донесениями, однако вам надлежит послать дозорных и выяснить, что делали замеченные в районе Гермсдорфа австрийские офицеры, что они там высматривали и о чем выпрашивали. Это поможет нам установить причину их появления там. Одно очевидно: когда мы вчера выступили, они поставили множество шатров на Регорне. Следовательно, вполне возможно, что там, где есть господствующие высоты Гермсдорфа, они имели возможность заметить нашу стоянку. Все это вы сможете узнать с точностью от жителей Гермсдорфа. Остаюсь ваш любящий король.

Райх-Геннерсдорф, 29 мая 1759 г.»
(Текст написан писарем.)

Фридрих II добавил собственноручно:

«Донесение его отличное, только (неразборчиво) для соглядатаев, и как они предстанут (перед ним), пусть приведет (их) сюда завтра. Подпись «Ф»⁴.

Десять лет спустя, 13 октября 1769 г., король сообщал «генералу от кавалерии фон Цитену»:

«Мой дорогой генерал от кавалерии фон Цитен. Вам известно, сколь неохотно даю я гусарским офицерам позволение вступать в брак, поелику подобное служит великой помехой для службы, особенно в дни войны. Вместе с тем в данном случае я намерен разрешить жениться кавалерийскому капитану фон Люку из вашего полка, в соответствии с просьбой, выраженной вами в письме от 11-го числа сего месяца. За сим и остаюсь ваш любящий король.

Потсдам, 13 октября 1769 г.»
(Письмо явно писалось писарем под диктовку Фридриха II.)

В свете давних армейских традиций можно сказать, что мой отец, Отто фон Люк, являлся чем-то вроде «урода в семье», так как он стал морским офицером. 15 июля 1911 г., когда я

---

³ Это, разумеется, ошибка, скорее всего, просто опечатка, что нередко бывает, когда текст изначально пишется от руки. Можно с уверенностью утверждать, что речь, скорее всего, идет о 1243 г., поскольку татаро-монгольские завоеватели действовали на территории Силезии именно в начале сороковых годов XIII века. В частности, 9 апреля 1241 г. в битве при Вальштагте (под Лигницем) они нанесли поражение польско-немецкому войску силезского князя Генриха II Благочестивого (*прим. пер.*).

⁴ В круглых скобках пояснения и пометки автора, который с их помощью пытался восстановить смысл дописанного королем (*прим. пер.*).

появился на свет во Фленсбурге, он – тогда лейтенант – находился по делам службы в китайском порту Циндао – в другом мире, бывать в котором в ту пору доводилось только морякам да торговцам.

Наш дом во Фленсбурге полнился всякого рода заморскими диковинками – ценными вещами из Восточной Азии. От той коллекции у меня теперь остались дорогая китайская ваза и набор японских чайных принадлежностей, который появился у отца примерно во времена моего рождения. Несколько лет назад мой деловой партнер японец был немало поражен, когда ему случилось пить чай из этих тончайших чашечек.

– Ничего подобного теперь уже не делают, – сказал он. – Раньше, бывало, перед обжигом японцы выходили далеко в тихое озеро, чтобы в краску не попала пыль.

Когда началась Первая мировая война, уже после того, как ему довелось принять участие в Ютландском сражении, моего отца перевели в морское училище в Фленсбург-Мюрвик. Как наиболее яркие, приходят мне на память те моменты из моего детства, когда маленьким я играл с младшим братом на борту боевых кораблей, стоявших в гавани, или ел с матросами за столом на камбузе.

Отец мой обожал спорт и слыл лучшим гимнастом в военном флоте. Он служил образцом для подражания мне и моему брату, Эрнсту-Августу, родившемуся в 1913 г. Нам нравились шутки отца, его сила и ловкость. Случалось, возвращаясь с работы в училище, он на руках поднимался по лестнице на самый верхний этаж, где мы встречали его с восторгом.

Наше поколение росло под грохот орудий Первой мировой. Детьми мы пережили горечь капитуляции, революцию и послевоенную разруху. Конечно, насчет орудий, это образ – в отличие от Второй мировой, Первая разгоралась за пределами Германии. Мы испытывали ее воздействие прежде всего с ухудшением продовольственного снабжения – приготовленная тем или иным способом репа скоро стала нашим основным продуктом питания. О, сколько раз вспоминали мы нехитрый обед, который делили когда-то с моряками на камбузе.

В начале июля 1918 г., незадолго до моего седьмого дня рождения, отец наш скоропостижно скончался от вируса гриппа, пришедшего в Европу из Восточной Азии. Вместе с отцом мы лишились всего самого дорогого, что было у нас в жизни: примера для подражания и товарища, влияние которого на нас прослеживается и сегодня.

Перипетии конца войны и революции 1918 г., которая вспыхнула как раз на флоте, конечно же, не касались меня напрямую. Мне было не понять, отчего молодых курсантов отца волокут по улицам под брань и улюлюканье те же самые матросы, которые были нашими друзьями. Хорошо помню, сколько волнений пришлось нам пережить, когда у нас в мансарде прятались курсанты, сумевшие спастись бегством от лютой расправы.

Смерть отца изменила нашу жизнь. Матери пришлось пожертвовать домом, а нас временно отдать на воспитание к фермеру, жившему по соседству. Чтобы обеспечить нас в трудные времена, мать вновь вышла замуж. Нашим отчимом стал военно-морской священник, преподаватель из училища.

Теперь нас воспитывали в «прусском стиле». Стриглись мы по-военному, кровати заправляли тоже по-военному. За опоздания нас наказывали. Отчим научил нас самих обслуживать себя, в том числе и делать всю обычную работу по дому. Потом мне это очень пригодилось, особенно в плену.

1 апреля 1917 г. я поступил в монастырскую школу во Фленсбурге – одно из старейших учебных заведений на севере Германии. Мой отчим требовал, чтобы я изучал классические языки и литературу, чему я очень рад. Во многом благодаря знанию латыни и древнегреческого мне удавалось легко осваивать современные языки. Отчим настаивал на том, чтобы я углублялся в этимологию иностранных слов. Даже за едой, если я произносил иностранное

слово, мне полагалось немедленно встать, принести словарь и зачитать ему соответствующую словарную статью.

В 1929 г., в возрасте 17 лет, я выдержал экзамен на аттестат зрелости, перспектива получения которого оказалась для меня неожиданно под большим вопросом. Отец одного из моих школьных товарищей обычно присылал за нами на выходные машину с шофером, так как семья жила за городской чертой Фленсбурга. И вот как-то мы решили сделать небольшой крюк, чтобы, заехав в маленький курортный городок на взморье, встретиться с подружками. В школьных фуражках, вальяжно устроившись на заднем сиденье с сигаретами в зубах, мы с ветерком промчались мимо директора нашей школы, которому вздумалось прогуляться в субботу. Мало того, что курить нам строжайше воспрещалось, мы еще заставили директора глотать пыль, поднятую нашим автомобилем. Он узнал нас и наутро пригласил к себе в кабинет.

– Известно ли вам, что курить в школьной форме запрещено? Руководство решило отстранить вас от сдачи экзаменов на аттестат зрелости по причине вашей незрелости.

Моего одноклассника все это не особенно пугало, потому что рано или поздно ему предстояло вступить в управление отцовским заводом. У меня же, напротив, на карту было поставлено очень многое, если не все.

Семейные традиции и воля отчима требовали, чтобы я встал на стезю армейского офицера. Мало того, мне доставалось одно место в сотысячной армии, в Рейхсвере – одно из 140, на занятие которых претендовало более 1000 кандидатов. Отсрочка получения аттестата означала, что карьера моя закончится, даже не начавшись.

– Господин директор, – начал я осторожно, – меня принимают в Рейхсвер курсантом. Я должен стать офицером, чтобы служить отчизне, того требуют традиции нашей семьи. Если вы лишите меня возможности держать экзамен на аттестат зрелости из-за одной-единственной сигареты, вы уничтожите мое будущее. Разве так будет справедливо?

Слова мои тронули его.

– Нет, я бы этого не хотел. Я поговорю с руководством. Однако рассчитывать на отметку «хорошо» вы не можете, самое большее – «удовлетворительно».

Логика такого решения не была мне понятна ни тогда, ни теперь. Между тем с меня было довольно самой возможности держать экзамен.

Глава 2

Рейхсвер и мой учитель роммель

Сначала меня распределили в кавалерийский полк в Силезии, однако неожиданно перевели в Восточную Пруссию, в состав 1-го моторизованного батальона. Какое разочарование! Кавалерия была элитой, к тому же мне так нравились лошади, и я любил ездить верхом. Однако скоро мы осознали, что семь моторизованных батальонов Рейхсвера должны будут стать ядром будущих танковых войск. В соответствии с Версальским договором Германии запрещалось иметь танки, даже и бронеавтомобили разведки, но довольно скоро генерал фон Зеект⁵, глава Рейхсвера, заключил секретный договор с Россией. По этому договору, молодых офицеров из моторизованных батальонов ежегодно отправляли на три месяца в специальный лагерь на Урале, где учили тактике применения танковых и моторизованных частей. К сожалению, обучение скоро закончилось – с приходом к власти Гитлера в 1933 г. русские разорвали соглашение.

Наступала пора упорных тренировок.

Зеект превратил Рейхсвер в «государство в государстве». Он намеренно не давал ему разрастаться и внушал всем служившим в армии дух национального сознания. «Диктат» Версаля считался национальным позором, создание «Польского Коридора», являвшегося прежде Западной Пруссией и отделявшего Восточную Пруссию от остальной территории рейха, рассматривалось как захват немецкой земли.

Экономический кризис тридцатых, рост безработицы (свыше 6 миллионов человек к 1932 г.), грозившее бедой усиление коммунистов и в итоге выход на лидирующие позиции Национал-социалистской партии – мы почти не замечали происходившего «снаружи» – вне армии. Рейхсвер усиленно ковал кадровый состав, благодаря наличию которого удалось позднее в столь рекордные сроки создать Вермахт. Верность традициям, нерушимость присяги – все это было овеяно святостью и определяло поведение представителей офицерского корпуса.

Наши инструкторы в Восточной Пруссии слыли особенно суровыми. Слово «муштра» служило самым подходящим определением тому, чем они занимались. Нехватку образования и ума унтер-офицеры с лихвой компенсировали доморощенной изобретательностью, отводя душу на таких кадетах, как я. За малейшую провинность нас могли заставить часами драить коридоры и сортиры... зубными щетками.

Другим средством наказания служило лишение увольнительной в выходной или замена ее дополнительными упражнениями по преодолению полосы препятствий. Одну штукотину, самую изошренную, наверное, инструктор изобрел специально для нас. Называлась она «проверка храбрости». Как-то вечером он вызвал нас к себе, извлек из буфета теменную часть человеческого черепа, некогда принадлежавшего, по словам инструктора, его дядюшке, вмещавшую целую бутылку рома. Нам было приказано осушить сосуд. Мы не посмели доложить о такого рода деспотизме нашему наставнику-офицеру.

Пусть вреда нам от этого и не было, подобная «муштра» не имела смысла. Если не считать того, что я уже тогда решил в будущем не обращаться подобным образом с молодыми солдатами, вверенными под мое начало.

Во всем остальном наше обучение можно с полным правом назвать интересным и познавательным. Мы осваивали вождение всевозможной техники, включая и гусеничную. Практиковались на пересеченной местности, отправлялись в учебные походы, оставаясь в поле днем и

---

⁵ В нашей военно-популярной литературе эта фамилия (*von Seekt*) часто транслитерируется как «фон Сеект» или же как «фон Сект», что, конечно же, совершенно неверно. Правильно фон Зеект или, в крайнем случае, фон Зект, хотя *Sekt*-ом (с кратким «е») в Германии называется шипучее вино – не французское «шампанское» (*прим. пер.*).

ночью; четыре недели провели в ремонтной мастерской с механиками, обслуживавшими нашу технику. После этого предстояло сдавать экзамены.

Особым предметом гордости стало для меня назначение водителем нашего ротного командира сроком на четыре недели. В его распоряжении находился нынешний раритет, мечта многих коллекционеров – кабриолет «Мерседес», снабженный двигателем с турбонаддувом. Поскольку наше подразделение было единственной моторизованной частью во всей Восточной Пруссии, мне довольно часто приходилось возить и дивизионного командира. Надо ли говорить, что, помимо всего прочего, наша «рыночная стоимость» в глазах девушек естественным образом возрастала из-за наличия средств передвижения.

В 1931 г. мы начали применять фальшивые танки – макеты, установленные на частных автомобилях.

Нас, будущих офицеров, также учили и верховой езде – она входила в программу. Завершался цикл подготовки в Нойкуруне – курорте на Балтийском море, где на ферме паслись наши кони. Каждое утро до завтрака мы выезжали на прогулку среди дюн и пускались в отчаянный галоп по широкому белому морскому берегу. Годы с 1929 по 1932 г., проведенные в Восточной Пруссии, стали лучшими годами в моей карьере военного.

В 1931 и 1932 гг. нас, кадетов, на девять месяцев отправили в пехотное училище в Дрезден для окончания подготовки и присвоения звания младших офицеров.

В этой жемчужине Саксонии я и познакомился с Эрвином Роммелем. Он был тогда капитаном, нашим инструктором пехотной тактики и самым популярным из наставников-офицеров. Во время Первой мировой войны он отличился в боях с итальянцами и удостоился «Пурле-Мерит»⁶. Когда мы познакомились, ему было 42 года. Высокий и подтянутый, он выглядел грозным в безупречно сидевшей на нем форме со стоячим воротничком, однако теплая и приветливая улыбка невольно располагала к нему. Он рассказывал нам разные случаи, происшедшие на войне, мы слушали, открыв рты, – а его книга «Тактика пехоты» служила нам самой настоящей библией.

В Дрездене я познакомился с донскими казаками, которые покинули Россию после 1917 г. В результате я выбрал русский язык в качестве дополнительного предмета в пехотном училище. Мой учитель, эмигрант из Прибалтики, ввел меня в русское общество. Многим эмигрантам приходилось очень тяжело, однако они сохраняли свою культуру. Возглавлял колонию князь Оболенский, очень приятный господин – дворянин старой закалки.

Наиболее глубокое впечатление произвело на меня знакомство с семьей фон Затина, представителя восточной партии русских, с которым я очень подружился. Рахманинов, известнейший композитор и пианист, приходился братом госпожи фон Затин. Он часто приезжал в гости из Парижа или из Швейцарии. Бывал Рахманинов в гостях и у деятелей восточной партии. Мы пили чай из самовара и закусывали, ели вишневое варенье. Как-то вдруг Рахманинов уселся за рояль и воскликнул:

– Ну, молодые люди, танцуйте на нашем празднике.

Кто же откажет себе в удовольствии станцевать под аккомпанемент самого Рахманинова?

Мой учитель русского языка открыл для меня Достоевского, Пушкина и Толстого. Меня поражала музыкальность языка, его гармония. Два года, проведенные рядом с русскими друзьями, расширили мои знания русского языка и способствовали моему пониманию образа мышления русских людей, что немало помогло мне позднее в России.

---

⁶ Pour le Mérite («За заслуги») – прусский орден с французским названием, учрежденный в 1740 г. королем Фридрихом II. Во время Первой мировой войны он считался одной из самых почетных боевых наград, полагавшихся офицерам вооруженных сил Германской империи (*прим. пер.*).

В 1932 г. я сдал экзамен на старшего прапорщика⁷ и после непродолжительного пребывания «в гостях» в своей части в Кенигсберге получил назначение во 2-й моторизованный батальон в Кольберг – в маленький курортный городок на Балтийском побережье Померании.

Кольберг, древний пункт торговли, получил городские привилегии в 1207 г.; во время Семилетней войны его трижды осаждали русские, которые и овладели городом в 1761 г. В 1807 г. Гнейзенау⁸ при содействии жителей Кольберга успешно оборонял город от французов. Когда в 1945 г. русские подступили к Померании, Гитлер и Геббельс вспомнили о героической истории горожан Кольберга, чтобы подхлестнуть боевой дух и поднять население на борьбу с противником. Даже фильм сняли – так он и назывался, «Кольберг», – и показывали во всех кинотеатрах.

В 1932 г. этот дивный городок, с белыми песчаными пляжами, курзалом и клубом, производил очень приятное впечатление. Население Померании – в основном проживавшее в маленьких городках и деревнях – отличалось исключительным дружелюбием и благорасположением к военным; поскольку жители ее в общем и целом традиционно консервативны, национал-социализм не находил у них особой поддержки. Жизнь в Кольберге вскипала только в летние месяцы, зимой же он погружался в спячку, когда в действительности только мы, гарнизон, и являлись его «живым элементом».

Осенью меня повысили, я стал лейтенантом и получил назначение готовить новобранцев. Я не забыл опыта, полученного в Восточной Пруссии, а потому требовал от унтер-офицеров гуманного обращения с новобранцами, а также, как учил Роммель, старался делать упор на подготовку в реальных полевых условиях.

Часть наша все больше сосредотачивалась на целях и задачах, которые ей предстояло решать после предполагаемого превращения в разведывательный батальон бронемашин. В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, совершенно неожиданно ночью, в обстановке строжайшей секретности, мы получили первые настоящие машины разведки, которые нам разрешили применять в учебных целях, но только в темное время суток. Гитлер пока еще не решался в открытую бросить вызов Версальскому договору. Семь моторизованных батальонов Рейхсвера превратились в семь бронетанковых разведывательных батальонов Вермахта, который предстояло еще создать. Генерала Хайнца Гудериана назначили инспектором танковых войск армии, мы же, «разведка», приняли на себя обязанности кавалерии и унаследовали ее дух.

Нас радовал бурный рост Вермахта, при этом мы не замечали туч, сгушавшихся над Германией. Во время короткой поездки в Берлин мы впервые увидели, какие изменения произошли в стране с приходом к власти Гитлера, но между тем Берлин по-прежнему оставался средоточием культурной жизни и предоставлял желающим широкое поле для развлечений.

В начале июня 1934 г. все упорнее поползли слухи о злоупотреблениях Рема и прочих руководителей СА⁹. Между СА и СС¹⁰ вспыхнула борьба за власть и влияние,

---

⁷ В германской армии воинское звание «старший прапорщик», по-немецки «оберфенрих» (oberfänrich), стояло на одну ступень выше старшего фельдфебеля и ниже старшего штабс-фельдфебеля (*прим. пер.*).

⁸ Август Вильгельм Антон Нейтхардт фон Гнейзенау (1760–1831), граф (с 1814 г.) и прусский генерал-фельдмаршал (с 1825 г.). Имея звание майора, с 11 апреля по 2 июля 1807 г. руководил обороной Кольберга от французов и сумел сохранить эту крепость для Пруссии. После Тильзитского мира был произведен в подполковники, а в 1809 г. – в полковники. Будучи с сентября 1807 г. шефом инженерного корпуса, активно участвовал в реформировании прусской армии. Не скрывал своих антифранцузских взглядов, за что в июле 1809 г. король Фридрих-Вильгельм III по требованию Франции уволил его в отставку. В марте 1813 г. Гнейзенау прибыл из Англии в Пруссию, чтобы принять участие в «освободительной войне» против Наполеона. Произведенный в генерал-майоры, он был назначен генерал-квартирмейстером Силезской армии генерала Г. Л. фон Блюхера и в конце июня 1813 г. стал начальником ее штаба. Участвовал в Германской кампании 1813 г. (получив за отличие в битве под Лейпцигом чин генерал-лейтенанта), а затем в кампаниях 1814 и 1815 гг. во Франции и Бельгии (*прим. ред.*).

⁹ СА (SA) – сокращенное обозначение Штурмовых отрядов (Sturmabteilungen) – немецкой военизированной организации, созданной в 1921 г. на базе некоторых подразделений «Добровольческого корпуса». Официально запрещенные после «Пивного путча» 1923 г., Штурмовые отряды были вновь легализованы в 1925 г. (до того момента они продолжали действовать незаконно под названием «Фронтбан»). С 22 мая 1926 г. «верховным фюрером» СА стал вождь НСДАП Адольф Гитлер,

как и между СА и Вермахтом. В середине июня у нас в части объявили состояние повышенной боевой готовности, в любой момент следовало ожидать тревоги и приказа выступить в Штеттин, главный город региона, чтобы, если потребуется, с применением силы взять под стражу командование СА.

30 июня 1934 г. начался «путч Рема». Мы выступили к Штеттину. Операция была проведена молниеносно – под какими-то малоубедительными предложениями были уничтожены Рем и вся головка СА.

Со смертью президента Гинденбурга и окончательным овладением властью Гитлером и его партией ситуация для нас изменилась, хотя поначалу мало кто что-либо осознал. СА с руководившим ими капитаном Эрнстом Ремом стремились к созданию «второй армии» – силы, параллельной Вермахту. СС тоже тайно принялись вооружаться, чтобы вместе с Гестапо создать инструмент насилия куда более опасный, чем СА и любые другие структуры нацистского режима.

Путч завершился. СА и прочие фашистские организации оказались под контролем государства и уже более не представляли опасности для Вермахта. Мы радовались данному обстоятельству, не подозревая даже, что в итоге настоящим победителем станут СС, которые заткнут за пояс даже Вермахт.

которого 1 ноября 1926 г. сменил Франц Феликс Пфедфер фон Заломон (1888–1968), отстраненный от должности 29 августа 1930 г., после чего пост «верховного фюрера» штурмовиков (называемых также «коричневорубашечниками») вновь занял Гитлер. В январе 1931 г. начальником Генерального штаба Штурмовых отрядов стал Эрнст Рем (1887–1934), оставшийся до 30 июня 1934 г. фактическим руководителем СА. Под управлением Рема общая численность штурмовиков выросла в 1931–1932 гг. со 100 тысяч до 400 тысяч, а к концу 1933 г. достигла 2 миллионов (*прим. ред.*).

¹⁰ СС (SS) – аббревиатура названия Schutzstaffeln (Охранные отряды). Первым таким подразделением стал Ударный отряд «Адольф Гитлер» (Stosstrupps Adolf Hitler), набранный в 1923 г. для персональной охраны нацистского вождя и 8–9 ноября того же года принявший участие в «Пивном путче». В апреле 1925 г. Гитлер поручил Юлиусу Шрекку набрать новую личную охрану фюрера – так называемую «Охранную команду» (Schutzkommando), позже переименованную в «Штурмовой отряд» (Sturmstaffel), а 21 сентября того же года региональным организациям нацистской партии было предписано сформировать небольшие охранные отряды на местах (по 10 человек в каждом «гау» и 20 человек – в Берлине). По предложению Германа Геринга они 9 ноября 1925 г. получили название Охранных отрядов НСДАП (Schutzstaffeln der NSDAP). С 1 ноября 1926 г. их возглавлял рейхсфюрер СС, который до 1934 г. номинально подчинялся «верховному фюреру» СА и его начальнику штаба. Должность рейхсфюрера СС последовательно занимали: Йозеф Берхтольд (бывший командир Ударного отряда «Адольф Гитлер»), Эрхард Хайден (с марта 1927 г.), Генрих Гиммлер (с 6 января 1929 г. по 29 апреля 1945 г.; причем с 17 июня 1936 г. он одновременно являлся шефом германской полиции) и Карл Ханке (29 апреля – 8 мая 1945 г.). При Гиммлере численность СС начала быстро расти. Если в январе 1929 г. они насчитывали всего 280 человек, то в декабре 1930 г. имели в своем составе уже 2727 членов, в декабре 1931 г. – 14 964, в июне 1932 г. – около 30 тысяч, в мае 1933 г. – около 52 тысяч. 20 июля 1934 г. СС официально получили статус самостоятельной организации в системе НСДАП. Впоследствии они подразделялись на так называемые Общине СС (Allgemeine SS) и Войска СС (Waffen SS). В мае 1935 г. численность первых составляла 196 875 человек, вторых – 10 700. Во время Второй мировой войны личный состав СС заметно увеличился, однако этот прирост обеспечивался главным образом за счет лиц, не входивших в Общине СС. Так, в марте 1945 г. из 829 400 человек, служивших в Войсках СС, 765 519 не принадлежали к Общим СС (последние тогда имели в своих рядах 263 929 членов, из которых 63 881 был причислен к Войскам СС) (*прим. ред.*).

Глава 3

Создание вермахта 1934–1939 гг

Поначалу население приветствовало Гитлера. Как-никак при нем удалось вернуть почву под ногами 6 миллионам безработных. Он приступил к строительству автомагистралей и учредил Рейхсарбайтдинст («Национальную службу труда»). Оккупированный союзниками Райнланд (Рейнская область) был возвращен без кровопролития. Мы считали правильным изолировать воинствующих коммунистов, засадить их за решетку – определение «концентрационный лагерь» еще не применялось. Денонсирование Версальского договора и выход Германии из Лиги Наций представлялись законными и оправданными и способствовали восстановлению национального самосознания немецкого народа. Лишь немногие замечали, что шоссе проводятся со строго стратегическими целями, а Служба труда – замаскированная полувоенная организация.

Достоинства и недостатки насильственного поддержания непропорциональности Рейхсвера стали все громче заявлять о себе. Мы просто не могли охватить проблемы целиком, проникнуть во взаимосвязь событий. Близорукость проявлял не только младший командный состав. Если бы, к примеру, руководство Вермахта осознавало цели Гитлера, путч Рема мог бы послужить средством осадить канцлера и добиться включения СА и СС в Национал-социалистскую партию как невооруженных сил. Между тем Гитлер хорошо представлял себе размеры угрозы, которую мог таить в себе слишком сильный Вермахт, и вовремя поставил во главу его и входивших в него родов войск вполне лояльных к нему руководителей. Главкомандующим сделался генерал Вернер фон Бломберг, которого мы прозвали «резиновым львом», поскольку он всегда потакал любым капризам Гитлера, а ВВС возглавил Геринг.

«Дело» генерал-полковника Вернера фон Фрича стало наглядной иллюстрацией политики наци. Фрич являлся сильной личностью, способной отстаивать свои убеждения, готовый, как мы надеялись, противостоять Гитлеру с его СА и СС, однако в 1938 г. его сместили с должности за якобы имевшуюся склонность к гомосексуализму и разжаловали в капитаны. Он погиб в бою, командуя артиллерийским полком во время Польской кампании 1939 г. К сожалению, тот факт, что под обвинениями отсутствовали какие бы то ни было основания, выяснился уже слишком поздно. Как погибшего в бою, Фрича похоронили со всеми высшими воинскими почестями – кое-кто был несомненно доволен подобным исходом.

Его преемник, генерал-полковник Вальтер фон Браухич, оказался тоже чересчур несговорчив и настроен откровенно не в пользу Гитлера. В последующие годы ему, как и фон Бломбергу, нашлись замены. Чистка рядов Вермахта началась уже в 1934 г. с ликвидации генерала Курта фон Шляйхера и офицеров СА в так называемую «Ночь длинных ножей». До 1933 г. Шляйхер какое-то время занимал должность канцлера и, по всей видимости, будил самые серьезные подозрения со стороны Гитлера.

Начался «Тысячелетний рейх».

Мы не осознавали того, что превратились в инструмент политики Гитлера, и пассивно наблюдали, как подвергалась нападкам церковь, как притесняли евреев. Ослепленные харизмой Гитлера и его «достижениями», молодые люди буквально хлынули записываться на службу в Вермахт. Многие из них прошли подготовку в Гитлерюгенде или в Службе труда. Красной строкой в повестку дня было вписано доносительство: новобранцы доносили на своих офицеров, дети – на родителей, едва те или другие позволяли слово критики в адрес Гитлера или его партии.

Как мог народ, давший миру Гете и Бетховена, превратиться в слепо послушного раба такого вождя? Как мог он впасть в истерию, едва тот разевал рот перед зрителями, как, например, происходило это на стадионах в Берлине? Думается, всегда найдутся те, кто готов следовать за идолами и верить в ложные идеалы – главное, соответствующим образом их настроить. Хотя каждое время выдвигает на авансцену событий собственных идолов, люди, которые рукоплещут им, всегда остаются одинаковыми.

В 1936 г. меня перевели из Кольберга в Берлин, или, если уж быть точным, в Потсдам, город древних традиций на окраине Берлина.

8-й разведывательный батальон, командиром одного из взводов третьего эскадрона которого я стал¹¹, дислоцировался в казармах как раз напротив гвардейских. Все в Потсдаме было проникнуто духом Фридриха Великого, построившего там своей дворец Сансузи.

Отцом на глазах создававшихся танковых войск являлся генерал Гудериан. Он изучил работы британского военного теоретика Лиддел Харта и идеи француза Шарля де Голля, благодаря которым развил тактику подвижной войны немецких танковых войск. Как он считал, будущее принадлежало быстрым и мобильным формированиям. Поначалу он не находил поддержки во властных верхах – многие генералы отличались консервативностью, – между тем мы, молодые офицеры, встречали его с восхищением, чувствуя, что можем и должны стать ударным клином Вермахта.

Гудериан побывал в каждом подразделении, присутствовал на занятиях по подготовке, после чего обсуждал свои идеи с офицерами и унтер-офицерами. Мы осознавали, что помимо тренировок, материальной базы и современной техники существует еще нечто очень важное, что движет часть к успеху, – высокий боевой дух.

Для прохождения подготовки стали поступать первые офицеры запаса. В большинстве своем это были участники Первой мировой войны, однако попадались среди них и молодые – те, кто закончил службу лейтенантом резерва. В их числе оказался и Франц фон Папен-младший, сын бывшего канцлера и будущий посол в Турции. Мы с ним родились в один год и даже в один день, и неудивительно, что скоро стали хорошими друзьями.

Папены жили на прекрасной вилле в фешенебельном районе Берлина Тиргартен. Я часто получал приглашения посетить их там и познакомился у них со многими интересными людьми, в том числе и с французским послом, Франсуа Понсе, и с дочерью американского посла, питавшей слабость к одному русскому дипломату.

Перевод в Потсдам стал для меня огромной радостью, потому что это дало мне шанс часто бывать в так нравившемся мне Берлине. Я уже прожил в этом городе три месяца в 1932 г. и имел там много друзей и знакомых. Берлин, «уютная» столица Европы, с его умеренно континентальным климатом и остроумными жителями, – чего еще было желать от жизни молодому человеку?

Театры, оперные залы, знаменитые артисты, кутюрье и газетные магнаты оставляли неизгладимый след на портрете города. Немецкие евреи, многие из которых были ветеранами Первой мировой и являлись иногда большими немцами, чем сами немцы, играли ведущую роль в культурной и экономической жизни столицы. После того как многие из них бежали от Гитлера, а другие сгинули в концентрационных лагерях, Берлин сделался беднее.

---

¹¹ В то время моторизованные разведывательные батальоны (Aufklärungsabteilungen) Вермахта подразделялись на эскадроны, фактически эквивалентные ротам. Как и другие подобные части, 8-й разведывательный батальон включал в себя: штаб с моторизованным взводом связи (при двух ручных пулеметах), 1-й и 2-й бронеавтомобильные эскадроны (по 10 бронемашин в каждом), 3-й мотоциклетно-стрелковый эскадрон (имевший на вооружении 9 ручных пулеметов, 2 станковых пулемета и 3 легких миномета), 4-й эскадрон тяжелого оружия (противотанковый взвод с тремя 37-мм противотанковыми пушками на механической тяге и одним ручным пулеметом, взвод пехотных орудий с двумя легкими пушками на механической тяге, моторизованный саперный взвод с тремя ручными пулеметами) и моторизованную легкую колонну. Впоследствии, уже после Французской кампании 1940 г., эскадроны моторизованных разведывательных батальонов танковых дивизий стали называть ротами (*прим. ред.*).

На ужин я обычно брал два бутерброда и содовую в автомате в закуской под названием «Куик» на Курфюрстендамм. Обходилось это в одну марку. В баре Майовски можно было заплатить 70 пфеннигов за рюмку кюрасао¹² и сидеть с ней там весь вечер. У Майовски обычно собирались бывшие пилоты, такие как мастер высшего пилотажа летчик Удет и ставший позднее крупнейшей фигурой в Люфтваффе Эрхард Мильх, который часто угощал нас, бедных лейтенантов, выпивкой.

Больше всего мне нравилось в небольшой пивной на Спиттельмаркт, служившей местом встреч для берлинских таксистов, заскакивавших туда выпить стаканчик пива между рейсами. Таксисты в Берлине славились юмором и умели ценить хорошую шутку. Я с готовностью променяю любое шоу в кабаре за возможность послушать их рассказы о том, что порой приключается в поездках.

Подготовка у нас велась очень интенсивная, при этом основной упор делался на двух вещах: мы изучали материальную часть и вооружение, а также практиковались в ведении боевых действий в реальных полевых условиях.

Мой мотоциклетно-стрелковый эскадрон – мотопехотное подразделение, входившее в состав нашего батальона наряду с двумя эскадронами механизированной разведки, – оснащался превосходными BMW 500. В большинстве своем они поставлялись с колясками, колеса которых позднее получили дополнительный привод через дифференциал, что повышало проходимость. Мы медленно, но верно превращались в первоклассных мотоциклистов. Даже по ночам мы научились прокладывать себе путь через трудную лесистую местность, по песчаным дорогам, а в «открытые дни» демонстрировали свое мастерство «наездников» зрителям – например, прыжки в длину на мотоциклах, на которых некоторые наши унтер-офицеры поставили своеобразный рекорд, пролетев 16 метров. Мы образовывали пирамиды – до 12 человек стояли на одной машине, а один номер назывался «мотоцикл с дистанционным управлением». Человек прятался в люльке и оттуда с помощью приводов управлял мотоциклом. Нам также позволялось принимать участие в официальных соревнованиях на пересеченной местности. Каждые выходные я устраивал себе нечто вроде современных мотоциклетных ралли. Сначала гонял на обычном мотоцикле, потом с коляской. Как-то, когда в ней сидел мой товарищ, мы врезались в дерево, которое пришлось как раз между машиной и люлькой. Из-за сломанной ключицы мне на несколько недель пришлось отправиться на отдых. Мы до такой степени овладели материальной частью, что могли вести огонь из пулеметов, установленных на колясках, когда выезжали в поле на учебу. В конце концов я перекинулся на спортивные машины, которые поступали в наше распоряжение от одной автомобильной компании.

Все новые танковые части вступали в процесс формирования. Посему в октябре 1938 г. меня перевели в Бад-Киссинген – курортный городок неподалеку от Вюрцбурга, что на севере Баварии. По завершении сезона Киссинген уже успел впасть в спячку, так что наше прибытие приветствовалось населением как некий элемент дополнительного оживления.

Однако первое наше впечатление оказалось весьма неприятным. В конце первой декады ноября по стране прокатилась Кристальнахт (Ночь разбитых стекол) – позорное для всей Германии событие. Генрих Гиммлер со своими СС и СА использовал факт убийства немецкого атташе в Париже молодым евреем в качестве предлога для сожжения синагог и погромов еврейских магазинов по всей Германии.

Руководство Вермахта снова осталось безучастным. Гитлер уже прочно укрепился у руля созданного им режима, окружив себя послушными ему генералами, потому все, что мы могли сделать, сидя в своих учебных лагерях, это ни в чем не участвовать.

---

¹² Кюрасао – марка ликера, чье название происходит от принадлежащего Нидерландам острова в Карибском море (*прим. пер.*).

Вопрос этот и по сей день задается как у нас на родине, так и за рубежом. Почему Вермахт, а особенно офицерский корпус и генералитет, своевременно ничего не сделали для противодействия растущей мощи национал-социализма или, по меньшей мере, не попытались ограничить опасной игры Гитлера – «игры с огнем».

По моему мнению, для этого существовали следующие причины:

1. Армия численностью в 100 000 человек, которую нам разрешал Версальский договор, намеренно воспитывалась в стороне от политики. В результате офицерский корпус оказался политически близоруким.

2. Первые успехи Гитлера (искоренение безработицы и устранение коммунистической угрозы, а также возвращение бывших немецких территорий в состав Великого Германского рейха) наполнили уверенность в своей правоте немецкий народ и растущий Вермахт.

3. Молодые люди, которые поступали на военную службу, набирались преимущественно из числа выучеников Гитлерюгенда и других национал-социалистских организаций, а потому были соответствующим образом мотивированы, если не сказать оболванены.

Но наиболее важное, как представляется мне: присяга – клятва на верность – всегда являлась священной для офицерского корпуса. Гитлер осознавал это, чем без зазрения совести и воспользовался!

Итак, 1934 год сделался поворотным пунктом. Вермахт стал использоваться как орудие в политике. После кончины Гинденбурга пост президента, который он занимал, совместили с постом канцлера. Вследствие чего немецкий народ, а прежде всего Вермахт, лишился символической фигуры, которая стояла вне политики и над политикой. При наличии сильной личности на этом посту, такой как Гинденбург или возможный преемник сходного калибра, президент мог бы заблокировать реализацию сомнительных политических решений.

Несмотря на множество предостережений, раздававшихся как внутри страны, так и доносившихся извне, вопреки здравому смыслу, немецкое офицерство предпочло слепо соблюдать клятву, оказалось даже готовым дать ее персонально Адольфу Гитлеру¹³.

А кто, какой отдельный человек посмел бы в 1933 г. или в 1934 г. отказаться от принесения присяги Гитлеру? Лишь только военное руководство одно и могло бы сделать это, имея оно более стойкие политические взгляды и не будь столь очаровано личностью Гитлера.

Еще один вопрос, который не устают повторять и сегодня: почему попытка уничтожения Гитлера 20 июля 1944 г. не была предпринята ранее, хотя бы после вторжения в Россию в 1941 г.? С одной стороны, Гитлер располагал столь внушительной охраной, что покушение не имело почти никаких шансов на успех. С другой стороны, многие офицеры вокруг графа Штауффенберга, главы заговора, считали себя связанными присягой, и лишь отчаянное положение, которое сложилось после союзнической высадки в 1944 г., подвигло их на «акт отчаяния». Вместе с тем, делая это, они осознавали, что вокруг Гитлера может возникнуть «легенда» и что союзники намерены потребовать от Германии тяжелейших условий – вплоть до безоговорочной капитуляции. Однако они хотели попытаться остановить Гитлера и избавить немецкий народ от дальнейших страданий.

К голосам тех, кто сегодня в Германии осуждает участников провалившегося заговора за «нарушение воинской присяги», незачем и нечего прислушиваться просто потому, что присяга – как любая клятва – должна соблюдаться лишь до тех пор, пока совместима с совестью давшего ее индивидуума, при условии, что дана она была без какого-либо давления.

---

¹³ Процесс «нацификации» в вооруженных силах Германии достиг этой критической фазы в августе 1934 г. с введением новой присяги, обязательной как для уже проходивших службу, так и для призывников. С этого момента все военнослужащие клялись в верности не конституции, а в безоговорочном подчинении Адольфу Гитлеру как «фюреру Германского рейха» (*прим. пер.*).

Глава 4

Европа накануне войны: путешествия и наблюдения

Я всегда мечтал побывать в каких-нибудь новых местах. Мне хотелось последовать совету своего учителя математики, который говорил мне:

– Путешествуй по возможности больше и постарайся посмотреть на свою страну снаружи. Завязывай знакомства с людьми из других стран. Только так ты сумеешь верно оценить свою родину.

В период с 1933 по 1935 г., когда получение иностранной валюты было еще доступным, я поехал в Прагу и в Варшаву, то есть в столицы стран, в которых не имел никаких знакомств. Позднее, после 1937 г., когда лимит валюты на поездку ограничивался 15 марками, я посетил западные и южные государства Европы, в которых у меня были друзья и я мог прожить даже с 15 марками. Мои встречи с представителями других народов и культур, носителями других языков лишь подтвердили разумность совета учителя.

Прага, «Золотой город», являвшийся точкой пересечения западной и восточной культур, произвел на меня глубочайшее впечатление, как и знаменитые курорты – представшие передо мной во всем своем блеске Карлсбад и Мариенбад. В Варшаве в 1934 г. не чувствовалось еще никакой напряженности. Визу я получил без проблем, несмотря на то что был офицером. Варшава – город очень, я бы сказал, франкофильский. Французские архитекторы оставили явный след на портрете города, в то время как многие образованные люди говорили по-французски. Мне оказалось нетрудно завести знакомства с жителями, и у меня появилась возможность установить, что поляки не любят как нас, немцев, так и русских.

Затем последовали поездки в Скандинавию и во Францию, в которой я быстро освоился. У моих деда и бабушки была французская гувернантка, а потому дома довольно часто звучала французская речь. В общем, можно сказать, что «parler français» считалось модным. Меня восхищали не только французский язык, но и «savoir-vivre» – стиль жизни по-французски. От шарма французов, и в особенности от обаяния Парижа, города-космополита, у меня, человека молодого, захватывало дыхание. Консьержки, бистро, пекарни, развалы подержанных книг на берегу Сены, художники Монмартра – вот где жизнь была ключом! Сидишь с кем-нибудь за стаканчиком вина, говоришь обо всем в мире, и зло словно бы уходит навечно.

Поездки в Англию тоже значительно расширили мой кругозор. Мы, немцы, особенно северные, всегда относились к британцам по-особенному. Мне посчастливилось, и молодым человеком я познал их терпимость и чувство юмора. Сойдясь с ними поближе, я поразился их сердечности и гостеприимству. Что же дает им такую уверенность, что помимо положения их страны как одной из супердержав? В первую очередь, вековые традиции и единство под скипетром монарха, равно как и демократия, рост и развитие которой происходили на протяжении столетий.

Одно впечатление вписалось в память настолько прочно, что и сегодня вижу все так, словно это случилось вчера. Банкир в цилиндре и с зонтиком столкнулся на улице с рабочим.

– Простите! Ужасно виноват! – воскликнул банкир. Чтобы богач первым извинился перед рабочим – такое в Германии немыслимо.

Как-то в полдень у Уайтхолла я поджидал, когда будет смена караула. Мужчина в поношенной одежде попросил у меня огонька.

– Вы, должно быть, француз? Говорите с акцентом.

– Нет. Я из Германии.

И тут из него как посыпало:

– Сидел я в плену в Германии с семнадцатого по восемнадцатый. Неплохо мне жилось – у фермера работал. Посмотрите, вот и медаль у меня. А теперь в этой чертовой стране, которой нет до меня никакого дела, я стал коммунистом. Месяцами сидел без работы. А у вас там как? Гитлер пристроил безработных, все так организовано, никто не голодает.

Влезать в дискуссию мне не хотелось. Слава богу, началась смена караула. Выехали кирасиры в яркой форме и сияющих шлемах – царственный блеск величия гордого королевства.

– Вы только посмотрите! – воскликнул мой собеседник и в возбуждении схватил меня за рукав. – Вот она, наша монархия. Тут никому с нами, британцами, не равняться!

Венеция была мечтой новобранцев, а Рим являлся своего рода культовым городом, где хотели побывать все. В процессе получения классического образования в средней школе я так много читал о путешествиях Гете по Италии, что мне хотелось пройти по его стопам. Так, в 1934 г. вместе с другом я запланировал трехнедельную поездку по Италии. Мы приспособили мою машину для того, чтобы можно было ночевать в ней, в качестве главного багажа запаслись канистрами с бензином, так что его нам, по расчетам, хватило бы доехать по меньшей мере от Германии до Рима и обратно, а также набрали еды, чтобы ни от кого и ни от чего не зависеть в пути.

Во Флоренции мы познакомились с одной дамой, которая пригласила нас к себе на обед. Мы проследовали за ней узкой улочкой и остановились перед домом с облупившимся фасадом.

– Вот мы и пришли. Входите, пожалуйста.

Мы почувствовали себя несколько неуютно. Однако прошли дальше и очутились во внутреннем дворике. Дом, казавшийся снаружи таким мрачным, оказался великолепным палаццо, наполненным произведениями искусства. А какой сад был при нем – это и во сне не приснится! Мы попали в городской дом принцессы – княгини. В столь роскошной обстановке мы провели целый день.

Рим с его семью холмами, Вилла-Боргезе, Пьяцца-Колонна и собором Св. Петра привел нас, пруссаков, в бесконечное удивление столь бесконечной красотой.

Ездил я и в Швейцарию, поскольку у нас там имелась родня, Цеппелины. Особо привлекала возможность покататься на лыжах. В ту пору применялись так называемые кандагарские крепления, которые одинаково хорошо подходили для спуска и для того, чтобы карабкаться наверх по склону. Подъемников для лыжников там тогда не встречалось. На восхождение уходили часы, затем вы скатывались вниз в долину по бескрайнему полю нетронутого снега. Опыт, приобретенный в процессе таких лыжных экскурсий, был просто неоценимым. Вылазки наши продолжались много дней с рассвета и до заката – лишь на ночь мы прекращали движение, находя убежище в той или иной горной хижине. В те времена можно было действительно наслаждаться красотой и покоем в горах – туристов тогда там почти не водилось.

В начале августа 1939 г. мне вдруг снова, к моему безграничному удивлению, дали возможность отдохнуть – целых 14 суток отпуска, которые я и провел в Швейцарии, – хотя уже тогда всюду циркулировали слухи о возможной войне из-за осложнившихся отношений с поляками. Вероятно, власти хотели показать швейцарцам и через них всему мировому сообществу, что если офицер на действительной службе может позволить себе в такое время находиться за границей, значит, никаких разговоров о войне быть просто не может. Но не успели кончиться две недели, как меня вызвали в дивизию. Она находилась в состоянии повышенной боевой готовности – всем отпускникам срочно приказали вернуться в свои части.

– Будет война, – сказали друзья. Мои попытки разубедить их в этом успеха не возымели, и я поспешил в место расположения части в Киссинген наикратчайшим путем. Там все находилось в приподнятом настроении. Хотя мы не очень-то верили пропагандистам Йозефа Геббельса, твердившим, что поляки намереваются напасть на нас, мы желали возвращения Германии «Польского коридора» и Данцига. Мы не очень-то рассчитывали на то, что поляки окажут серьезное сопротивление, предполагали легкую прогулку – нечто вроде того, что происходило

в Чехословакии годом раньше. Мы не жаждали войны, поскольку Вермахт не успел еще подготовиться к ней, а наши старшие офицеры – забыть 1918 год. Но мы не думали, что британцы и французы придут на помощь Польше.

Глава 5

Блицкриг. Польша, 1939 г

Осеннее солнце ласково светило над головами. Наша 2-я легкая дивизия генерала Штумме¹⁴ покинула пределы расположения, а с ней вместе двинулся и 7-й разведывательный (моторизованный) полк – два батальона¹⁵. С пригорка глаза наши невольно притягивал оставшийся позади Бад-Киссинген и Ронские горы, по склонам которых мы бывало пронеслись на лыжах.

Формально нам предстояло принять участие в «больших маневрах в условиях реального боя». Несмотря на наличие боевых боеприпасов, нам выдали только холостые.

Настроение у личного состава было отличное, контакт с эскадронам¹⁶ у меня – превосходным. В процессе продвижения в восточном направлении мы прошли через Судетскую область и проследовали дальше за Прагу, приближаясь к границам рейха в районе Гляйвица. Местное население приветствовало нас всюду с цветами, угощало напитками.

– Идете в Польшу? – спрашивали нас.

– Нет, конечно, – отзывались мы, – у нас учения.

26 августа 1939 г. мы скрытно вышли к границе и расположились в лесополосе. Тут нам вдруг заменили холостые боеприпасы боевыми.

Более сомнений у нас не осталось – нас перебросили с целью вторжения.

Наступил момент показать, чему меня учили – побеждать противника быстро и решительно, с наименьшими потерями для себя. Я и понятия не имел, чего ожидать. Мы все еще чувствовали себя как на маневрах и подбадривали друг друга мыслью, что нам вовсе не стоит бояться поляков, поскольку их армия не располагает таким количеством активных штыков и заметно уступает нам в плане материальной части.

В районе сосредоточения я обходил эскадрон, заговаривал с бойцами – обменивался шутками с каждым. Они доверяли мне и не сомневались, что их «шеф» не допустит ненужных потерь.

31 августа пришел приказ: мы переходим в наступление в 04.50 утра 1 сентября¹⁷.

---

¹⁴ Генерал-лейтенант Георг Штумме командовал 2-й легкой (впоследствии 7-й танковой) дивизией с 10 октября 1938 г. по 5 февраля 1940 г. Произведенный 1 июня 1940 г. в генералы кавалерии и переименованный 4 июня 1941 г. в генералы танковых войск, Штумме с 15 февраля 1940 г. по 20 июля 1942 г. был командиром 40-го моторизованного армейского (затем танкового) корпуса, во главе которого участвовал в Балканской кампании 1941 г. и в боевых действиях на Восточном фронте. С 20 сентября 1942 г. он занимал должность командующего танковой армией «Африка» вместо заболевшего Роммеля и погиб 24 октября того же года под Эль-Аламейном (по другим данным, умер вследствие сердечного приступа, когда выпал из своей командирской машины) (*прим. ред.*).

¹⁵ 7-й разведывательный (моторизованный) полк – Aufklärungsregiment (motorisiert) 7 – был образован 10 ноября 1938 г. и укомплектован военными служащими из 6-го разведывательного батальона, 1-го и 2-го мотоциклетно-стрелковых батальонов и 17-го кавалерийского полка. Его штаб и 1-й (мотоциклетно-стрелковый) батальон, состоявший из трех мотоциклетно-стрелковых эскадронов и эскадрона тяжелого оружия, располагались в Бад-Киссингене, а 2-й (бронетранспортный) батальон – в Майнингене. Провел Польшскую кампанию 1939 г. в составе 2-й легкой дивизии генерал-лейтенанта Георга Штумме, этот полк был расформирован 1 ноября 1939 г. (из его 1-го батальона образовали 7-й мотоциклетно-стрелковый батальон 7-й танковой дивизии, а из 2-го – 37-й разведывательный батальон той же дивизии) (*прим. ред.*).

¹⁶ Ханс фон Люк командовал одним из трех мотоциклетно-стрелковых эскадронов 1-го батальона 7-го разведывательного полка. На вооружении каждого такого эскадрона имелось 18 ручных пулеметов, 4 станковых пулемета и 3 легких миномета (*прим. ред.*).

¹⁷ На 1 сентября 1939 г. 2-я легкая дивизия генерал-лейтенанта Георга Штумме вместе с 3-й легкой дивизией генерал-майора Людвиг Кунтцена составляла 15-й армейский (легкий) корпус генерала пехоты Германа Гота, входивший в 10-ю армию генерала Вальтера фон Рейхенау (из группы армий «Юг» генерал-полковника Герда фон Рундштедта). К началу Польской кампании она имела в своем составе: 6-й и 7-й кавалерийские стрелковые полки (по два батальона в каждом), 7-й разведывательный полк (два батальона), 66-й танковый батальон, 78-й артиллерийский полк (два дивизиона по три батареи 105-мм полевых гаубиц на механической тяге), 58-й саперный батальон и 3-ю роту 29-го батальона связи. Тогда в дивизии насчитывалось

Наши расчеты станковых пулеметов с их вооружением размещались в саду, принадлежавшем господину Августину, который прожил тут уже некоторое время до нашего появления. Его родители владели фабрикой в Лодзи, что в центре Польши.

– Хотите с нами? – поинтересовался я у него. – Вы превосходно владеете польским и могли бы стать полезным нам, работать переводчиком – помогать допрашивать пленных и устанавливать правильные контакты с местным населением.

Он согласился. Несомненно, он рассчитывал, что ему удастся повидаться с родителями. Мы обрядили его в форму военнослужащего Вермахта. На нарукавной повязке значилось «доброволец-переводчик».

На рассвете наши военно-воздушные силы промчались над границей, чтобы, как сказали нам, застать врасплох польских авиаторов и уничтожить их самолеты на земле. Данное обстоятельство придало нам бодрости. Нам сообщили, что наш ВМФ обстреливает порт Данцига и что началась высадка десанта с моря.

В составе моторизованного разведывательного полка мы двинулись вперед. На границе мы нашли одного-единственного таможенника. При виде одного из наших солдат этот перепугавшийся служащий просто поднял шлагбаум. Так без всякого противодействия мы вступили на землю Польши. Нигде не было видно ни одного польского солдата, хотя, по всему, они должны были бы быть здесь и готовиться к «вторжению» в Германию.

Я приказал эскадрону рассредоточиться. Мы передвигались своим ходом на широком фронте и скоро достигли первой польской деревни. Польские солдаты по-прежнему отсутствовали. На рыночной площади нам встретились довольно дружелюбно настроенные жители, которые даже предложили нам освежиться.

Где же польская армия?

У нас не проходило стойкое ощущение того, что мы все-таки на учениях, хотя мы углубились на территорию Польши на 15 километров. Бравые разведчики из передовых дозоров на мотоциклах с колясками прокладывали себе путь через поросшую густым лесом местность, чтобы прояснить обстановку. Я приказал бронемашинам следовать за передовыми и развивать успех.

Только поздним вечером 1 сентября мы столкнулись в первом вражеском противодействии. Перед нами лежало открытое пространство, небольшая возвышенность, на дальнем конце которой располагалось селение и виднелся лес. Тут-то поляки и приготовили нам заслон, открыв со своих позиций плотный пулеметный и минометный огонь. Осколки и пули засветили среди деревьев. Срезанные ими ветки падали нам на головы. Нас охватило беспокойство. Конечно, мы нередко проводили учения в условиях, максимально приближенных к боевым, а потому научились действовать под огнем, привыкли и к взрывам артиллерийских снарядов, и к стрекоту пулеметов. Однако при всем этом мы находились тогда, как правило, на безопасном расстоянии или сидели в блиндажах – в тех или иных укрытиях.

Теперь же мы оказались прямо под обстрелом противника. Укрыться или окопаться мы не могли – наша задача состояла в том, чтобы атаковать. Мы изготовились к штурмовому броску. Бронемшины разведки продвинулись как могли дальше – настолько, насколько позволяла местность, – чтобы обеспечить нам огневое прикрытие из своих пулеметов MG 34.

Вдруг пулеметная очередь срезала рядового Уля совсем близко от меня. Он умер мгновенно, став первым убитым в моем эскадроне. Многие солдаты видели, как он погиб. Нам всем стало страшно. Кто будет следующим? Маневры закончились – началась война.

– Первый и второй взводы – вперед! – закричал я. – Третий – в резерве. Взвод тяжелого вооружения – обеспечить огневое прикрытие.

Никто не пошевелился. Каждый боялся стать следующим. Я тоже. Любой, кто говорит, что не испытывал страха в первом бою, просто врет.

Мне, командиру, надлежало подать пример своим людям.

– Все за мной! – заорал я и бросился вперед, размахивая пистолетом.

Трудные месяцы учебы и подготовки не пропали даром – все солдаты последовали за мной. Мы немного продвинулись, но потом залегли под огнем пулеметов и артиллерии.

Командование дивизии разработало новый план атаки: в темноте зенитные прожекторы высветят позиции противника на высоте. Наши машины разведки будут бить по выявленным точкам 2-см трассерами и послужат средством наведения на цели для артиллерии. Разыгралась огненная симфония.

На рассвете 2 сентября мы вновь пошли в бой и достигли селения на пригорке, где окопался неприятель. Поляки уже ушли. Открывшаяся нам картина заставляла нас поежиться от ужаса. Всюду на брошенных врагом позициях валялись трупы людей и лошадей. Брошенные дома еще горели. Увиденное стало нашим первым впечатлением – лицо войны. Непросто оказалось заставить себя пережить это и вернуться к исполнению своих обязанностей.

Мы продолжали продвижение. В густых зарослях леса отсутствовали дороги, и мы практически лишились возможности применять наши машины разведки и танки. На двое суток нам пришлось расстаться со своими полевыми кухнями. Техника не могла продвигаться в условиях бездорожья в лесах.

Проходя через селения и городки, мы вновь и вновь сталкивались с отвратительными картинами военного разорения. Военно-воздушные силы потрудились на славу и деморализовали поляков. Однако, несмотря ни на что, польские дивизии сражались героически.

Как писал позднее мой денщик Эрих Бек: «Противник вызывал у нас восхищение своей национальной гордостью и готовностью к самопожертвованию. Мы не могли не уважать их. Мы слышали, что один польский кавалерийский полк бросился в атаку против наших танков. Солдатам сказали, что у немцев ложные танки – деревянные макеты».

Все мосты были взорваны. Наши саперы изрядно потрудились, перебрасывая через реки новые. Польские снайперы устраивали лежки в стогах сена и под соломенными крышами, откуда их приходилось выкурить трассерами. Огонь полыхал повсюду.

В следующие несколько дней нашими целями стали города Кельце, Радом и Лодзь. Охватные маневры увенчались успехом и привели к созданию нескольких «котлов». В дивизии мы узнали, что наше наступление на широком фронте от Верхней Силезии до Балтики развивается успешно.

6 сентября нам наконец довелось столкнуться с серьезным противодействием на окраине села в районе Лыса-Гора. После ожесточенного боя, в котором мы понесли небольшие потери, нам наконец удалось сломить сопротивление неприятеля, силы которого были, по-видимому, уже окончательно подорваны. В тот же день пал Краков. Могучие ударные части наступали на Варшаву с запада и северо-запада.

В г. Лодзи, за который нам пришлось крепко подраться, Августин встретился с родителями. Я составил ему компанию. Трогательное воссоединение. Из-за трений между государствами получилось так, что они какое-то время ничего не знали друг о друге. Теперь родители вновь обрели сына, навсегда, как они хотели надеяться. Мы побывали на текстильной фабрике, которой они владели, а затем устроились в кафе на рыночной площади. Пили кофе, ели незамысловатые домашние пирожные. Было так приятно просто посидеть в уютной обстановке после нескольких нелегких деньков, особенно в начале кампании. Но Западная Пруссия и древний Данциг являлись, похоже, не единственными целями. По-видимому, предполагалась полная оккупация Польши и уничтожение ее как государства, кроме того, разделение ее территории с русскими, с которыми Гитлер совсем недавно подписал пакт о ненападении. Мы

просто поражались той ловкости, с какой пропаганда Геббельса развернула настроение народа на 180 градусов. Россия вдруг превратилась в единственного союзника!

Мы получили приказы зачистить леса, обеспечить безопасность на занятых территориях, а затем оставаться в готовности к броску к Варшаве.

В поисках подходящего командного пункта для эскадрона мой передовой пикет отыскал большой дом посреди леса. Война не затронула его. По моем приходе туда меня радушно встретил немолодой господин, бегло говоривший по-немецки и по-английски. Он был ранее польским послом в Лондоне, а теперь отошел от дел и проводил время в своем поместье. Дом полнился гостями. Один знаменитый пианист и некоторые другие представители сферы искусства бежали из Варшавы с началом войны в надежде отыскать безопасное убежище. Дворецкий проводил меня в гостевую и несколько мрачно осведомился относительно моего багажа.

После того как я отдал необходимые распоряжения эскадрону и отправил донесение в дивизию, хозяин дома пригласил меня пройтись.

– Знаете, – начал он, – у меня есть один добрый друг, живет километрах в тридцати отсюда. Он женат на немке из Силезии. Я беспокоюсь о них. Не могли ли бы вы выяснить, как у них дела?

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что немка, жена друга хозяина, приходится мне дальней родственницей. Я вдруг осознал, насколько бессмысленна война, а также и то, что выхода из нее теперь нет. Я обещал все выяснить.

Хозяин привел меня на псарню, где показал мне недавно родившихся ирландских сеттеров. Он привез их мать из Англии. Он взял одного и произнес:

– Могу ли я подарить его вам, чтобы он радовал вас в грустные времена?

Я с радостью принял подарок и окрестил щенка «Сынком». Тем вечером все мы сидели у очага в огромном зале, потолок которого уходил вверх под самую крышу. Пианист наигрывал Шопена, а сквозь музыку прорывались иногда звуки спорадических выстрелов где-то вдали. Я проводил время среди дружелюбных людей в приятной атмосфере в стране, завоевать которую мы пришли.

Я узнал, что самый знаменитый в Польше художник-анималист жил в ближайшем городке, и собрался посетить его на следующий день. Я обожал его работы и попросил у него одну из акварелей, которая бы выражала дух Польши. На следующий вечер он принес мне картину. Я был поражен. На картине на фоне типичного польского ландшафта был изображен пастух, который вел на недоуздке маленькую подраненную лошадку. Картина пережила войну и теперь висит на стене моего дома, напоминая мне о временах трудных, но также и об очень и очень приятных.

В тот же вечер начальник патруля доложил о том, что с другом нашего хозяина все в полном порядке. У него явно свалился с души камень.

Тогда же я получил от своего командира приказ о дальнейшем наступлении на Варшаву. Наутро я покинул мирный оазис, увозя с собой картину и ирландского сеттера.

На инструктаже, перед тем как продолжить операцию, мой батальонный командир сказал, что 3 сентября Франция и Британия объявили войну Германии. Пока, однако, против наших опасений, они не предприняли решительных действий. В ежедневном «Армейском вестнике» говорилось только об отмечавшихся артиллерийских перестрелках и об активизации воздушной разведки. Мы успокоились. Похоже, Гитлер верно оценил обе страны. Британцы, насколько нам было известно, пока даже не отправили на континент экспедиционные войска.

А мы продвигались к Варшаве. В восточных районах Польши мы никаких боевых действий не вели. Совершенно очевидно, это свидетельствовало о наличии определенных договоренностей с русскими. Южнее Варшавы два моторизованных разведывательных батальона заняли позиции среди фруктовых деревьев.

9 сентября – через девять дней после начала войны – большая часть Польши, по крайней мере та, которая относилась к сфере немецкого влияния, находилась в наших руках. Только Варшава продолжала сопротивление. Сохранившие боеспособность части польской армии отступили для обороны столицы, где им предстояло выдержать еще две недели под бомбами и артиллерийскими обстрелами. 27 сентября Варшава была взята, последние очаги сопротивления окончательно подавлены. Больше нам воевать не пришлось. Совершенно очевидно, продолжать противодействие Польша более не могла. Все, что нам оставалось, – зачистка занятой территории.

Во время одного из разведывательных мероприятий, на которое я отправился на своем вездеходе вместе с водителем Финком и ординарцем, мы обнаружили молодую польку в военной форме. Она навела на нас пистолет, но мы успели обезоружить ее прежде, чем она смогла выстрелить.

– Вы служите в женском батальоне? Или же вы партизанка? – спросил я ее по-французски.

В глазах ее горела ненависть – чего удивляться после того, что случилось с Польшей в результате войны. Она отвела нас к дому, в котором лежал раненый ее муж, польский офицер. Я посадил их обоих в свою машину и отправил в медсанчасть, где врачи немедленно занялись ее мужем. Она поблагодарила нас:

– Как ужасно. Как все безнадежно. Почему бы всем не оставить нас в покое? Теперь вот еще и русские придут, ваши союзники, которых мы ненавидим. Однако Польша еще не погибла.

Последние слова, как пояснил мне Августин, были из государственного польского гимна.

17 сентября русские начали марш в Восточную Польшу. Немецкая и русская делегации установили демаркационную линию. Одним из переводчиков служил Борис фон Карцов, которого мне еще предстояло много позже встретить в русском плену. И опять Польша подверглась разделу. Грустная история страны вновь повторилась. 5 октября в Варшаве в присутствии Гитлера прошел победный парад. Нашей дивизии не пришлось принимать в нем участие. Среди тех, кто стоял на возвышении рядом с Гитлером, находился и Роммель, в то время командовавший подразделениями личной охраны Гитлера. Однако во время боев он постоянно находил способ отлучиться на фронт, побывать в действующих частях и был просто восхищен тем, как действовали танковые войска генерала Гудериана. Вскоре после этого Роммелю удалось уговорить Гитлера дать ему под начало танковую дивизию.

Польская кампания для нас завершилась. Несколько моих солдат получили Железные кресты 2-го класса, среди них и храбрый командир взвода станковых пулеметов. Вскоре после того его повысили до старшего фельдфебеля.

Особенно гордился я служившим в нашем эскадроне портным. В Бад-Киссингене все, бывало, дразнили его «наш маленький портняжка». И вот в ходе боевых действий этот незаметный человек показал себя. Он чинил обувь, а также выполнял обязанности связного – обеспечивал циркуляцию донесений и приказов от передовых отделений к частям в тылу. Както мы залегли под плотным неприятельским огнем, головы не могли поднять, а «наш маленький портняжка» под пулями и осколками побежал с донесением. Мы сделали неожиданное открытие: как оказалось, здоровяки и крепыши, отважные на вид парни, нередко терялись в бою, тогда как те, кого считали слабаками, в трудную минуту демонстрировали стойкость и выдержку.

Потери, понесенные нами за те девять дней боев, были сравнительно небольшими. Один из моих взводных командиров, лейтенант фон Фюрстенберг, получил очень серьезную рану в живот и надолго выбыл из строя. Что же до наших убитых, то мы имели возможность похоронить их как подобает и воздать по возможности все надлежащие военные почести.

Дни отдыха вернули нам силы. У меня нашлось время поблагодарить за службу весь личный состав эскадрона.

– Как здорово, что вы научили нас быстро окапываться, – сказали они мне. – Несомненно, тяготы учебы спасли жизни многим из нас.

Боевой дух находился на подъеме. Тут, прямо перед самой Варшавой, никто не задумывался о том, как все пойдет дальше.

Я получил разрешение побывать в Варшаве, которую увидел впервые за много лет. Окраина и индустриальные районы сильно пострадали от воздушных налетов, однако центр в значительной мере остался нетронутым. Жизнь входила в нормальную колею. Поляки умели приспособиться к трудностям – научились противостоять ударам судьбы. А в кафе при большой гостинице в центре мне подали выпивку так, словно бы ничего не произошло. Было очевидно, что если уж выбирать из двух зол, то в качестве оккупантов мы, немцы, устраивали поляков больше, чем русские. К сожалению, все скоро поменялось.

В конце сентября дивизию перебросили обратно в ее старый лагерь в Германии. Снова мы проследовали через Судетскую область к Бад-Киссингену.

Глава 6

В период между кампаниями 1939–1940 гг

Бад-Киссинген встречал нас ликованием. Горожане высыпали на улицы и забрасывали нас цветами с тротуаров. Перед уже закрытым курзалом стоял наш командир, чтобы возглавить торжественный марш батальона. Многие смеялись, когда мой ирландский сеттер, Сынок, из грузовика облаял оркестр. Гражданское руководство – местные власти – тоже, конечно, прибыло для участия в приеме. Фашистские функционеры вели себя так, точно это не мы, а они вернулись с войны и принесли победу.

В следующие дни всем разрешили отдохнуть. Многие бары и рестораны открылись, и в них угощали пивом бесплатно. Зепп Хубер, владелец «Бара Хубера», извлек из запасников бутылку выдержанного шотландского виски. Вечер получился длинным.

Гражданское население, да и большинство из нас, думало, что с Польской кампанией войне настанет конец. Французы и британцы не напали на нас. Может, получится второй «Мюнхен»? Вдруг да премьер-министры Даладье и Чемберлен вновь попробуют договориться с Гитлером?

Может быть, мы и принимали желаемое за действительное, однако казалось логичным, что после «возвращения в лоно рейха» территорий, населенных немецкоговорящими жителями, оккупации Судет и Чехословакии, «освобождения» Западной Пруссии и Данцига в ходе блицкрига, обошедшего нас без больших потерь, – все цели были достигнуты – «несправедливости» Версальского договора устранены. Однако меня одолевали сомнения. Уж больно ненавидел Гитлер Францию, против которой ему случилось сражаться во время Первой мировой. Пропагандистская машина вновь заработала на полные обороты. На страницах газет запестрели названия: Эльзас и Лотарингия – спорные территории, которые переходили из рук в руки по итогам войн 1870–1871 и 1914–1918 гг., в первом случае к Германии, а во втором обратно к Франции.

Все мы по очереди получили отпуска для поездок к семьям. Мы славно провели те дни, но реальность вновь нагнала нас. Вермахт, прежде всего бронетанковые силы, вновь подвергались укрупнению. Создавались новые танковые дивизии, ядром которых предстояло послужить нам. Нашу 2-ю легкую дивизию переформировали и перевооружили, превратив в 7-ю танковую дивизию (7. Panzerdivision)¹⁸. Приказом от 6 февраля 1940 г. генерал Эрвин Роммель, мой пехотный инструктор из Дрездена, сделался моим дивизионным командиром; 10-го числа он принял дивизию в Бад-Годесберге.

Как бы мы ни восхищались этим человеком, нас охватили сомнения в том, что пехотинец способен стать достойным командиром танковой части. Скоро они развеялись – Роммелю предстояло навечно вписать свое имя в историю танковых войск как величайшего тактика подвижного боя. С того дня у нас задули совсем иные, новые ветры. В дивизии остался один-единственный моторизованный разведывательный батальон – 37-й батальон майора Эрдманна, ставшего теперь нашим командиром¹⁹. Как и многие наши старшие офицеры, он принимал участие в Первой мировой войне. Мы уважали его боевой опыт и тотчас же поверили в него.

---

¹⁸ 2-я легкая дивизия была преобразована в 7-ю танковую 18 октября 1939 г. (*прим. ред.*).

¹⁹ В состав 37-го моторизованного разведывательного батальона входили: два эскадрона бронеавтомобилей, мотоциклетно-стрелковый эскадрон (имевший на вооружении 18 ручных пулеметов, 4 станковых пулемета и 3 легких миномета), эскадрон тяжелого оружия (включавший саперный взвод и 4 легких пехотных орудия) и легкий парк (*прим. ред.*).

Дивизия получила новейшие танки: PzKpfw III с 5-см пушками и PzKpfw IV с 7,5-см «обрубками»²⁰. Они были более быстроходными, отличались лучшим вооружением и бронированием. А с поступлением трехосных бронемашин, вооруженных 3,8-см пушками, мы приобрели замечательную технику для разведки²¹.

Из Киссингена мы передислоцировались в селение Хаймерцхайм на северном склоне Ронских гор. Началась трудная и упорная подготовка, которую еще более усложнила суровая зима. Роммель проводил полевые учения в любую погоду, а также и ночью. Он ежедневно бывал в частях и постоянно подчеркивал важность того, чтобы все части действовали вместе. Таким образом танкисты, артиллеристы и пехотинцы хорошо узнавали друг друга и учились плотному взаимодействию. Дивизия превращалась в хорошо сыгранную команду, что впоследствии оказалось чрезвычайно важным.

Пропагандисты работали без устали. Гитлер высмеивал французов. То и дело высказывался по поводу «Вискохлаба Черчилля», а позднее еще и «Паралитика Рузвельта». Для чего Вермахт стремительно накачивал мускулы? Чтобы запугать западных союзников и отбить у них охоту напасть на Германию? Или же Гитлер намерен вторгнуться во Францию? Мы не знали. Мы полагались на себя и на наше новейшее вооружение, которое, как казалось, превосходило все то, чем располагал противник.

Была сформирована первая танковая дивизия СС. Ядром для нее послужил полк личной стражи Гитлера – «Лейбштандарте Адольф Гитлер» – под начальством его командира Зеппа Дитриха. Мы не без оснований подозревали, что наращиванием войск СС Гитлер стремится к созданию противовеса армии, особенно консервативному офицерскому корпусу, и это, вне всякого сомнения, не могло нас радовать. Между тем, хотя ответственность за набор и вооружение войск СС возложили на Гимmlера, «фигуру номер один в СС», что способствовало притоку лучших людей в эсэсовские части, все формирования СС тактически поступали под руководство армии, так что это более походило на сотрудничество, чем на соперничество. Из-за нехватки опытных кадров армейских офицеров стали переводить в войска СС в качестве командиров и – к их молчаливому негодованию – присваивать принятые в СС звания.

Наконец прошла суровая во всех отношениях зима 1939/40 г. Тем временем британцы приступили к переброске на север Франции своих экспедиционных сил. Между тем обстановка на Западном фронте оставалась по-прежнему спокойной.

В середине февраля нас передислоцировали в Дернау, на реку Ар, то есть практически на Западный фронт. Роммель побывал в каждой части. Он говорил нам, что горд возможностью возглавить танковую дивизию. Гудериан тоже приезжал и беседовал с нами.

– Вы кавалерия, – сказал он нам. – Ваше дело прорыв и непрерывное продвижение.

---

²⁰ Последний из упомянутых здесь танков вооружался короткоствольной пушкой калибра 75 мм (или 7,5 см, как принято у немцев). В военно-популярной литературе на русском языке, особенно в советский период, было принято заменять аббревиатуру «PzKpfw» (от Panzerkampfwagen – боевая бронированная машина/танк) на букву «Т». Данный вариант безусловно вполне приемлем, если только вслед за русской буквой «Т» и римской цифрой не следует обозначение модели, для которого используется все-таки латинская буква, отчего получается стилистический разнобой. В любом случае, PzKpfw III и PzKpfw IV – это то же самое, что Т-III и Т-IV или Pz. III и Pz. IV. Следует отметить, что в период между Польской и Французской кампаниями 7-я танковая дивизия получила сравнительно небольшое число таких машин. К 1 января 1940 г. на 252 танка, имевшихся в ее парке, приходилось только 10 PzKpfw III и 14 PzKpfw IV, а 12 апреля того же года в дивизии уже не оставалось ни одного PzKpfw III (тогда она имела 180 исправных танков – 37 PzKpfw I, 72 PzKpfw II, 48 PzKpfw 38{t} и 23 PzKpfw IV) (прим. пер. и ред.).

²¹ Орудий калибра 38 мм (3,8 см) у немцев не было, но имелись пушки калибра 37 мм (3,7 см). В данном же случае речь, скорее всего, идет о тяжелом броневомobile разведки (schwerer Panzerspähwagen) SdKfz 231. Обычно эта трехосная бронемашинa вооружалась 7,92-мм пулеметом MG 34, однако существовал и пушечный вариант SdKfz 231. Изначально броневомobile данного типа получил на вооружение 20-мм пушку модели KwK-30, но позднее ее стали заменять на KwK-38, имевшую тот же калибр, но отличавшуюся большей скорострельностью. Очевидно, в процессе обработки рукописи мемуаров фон Люка эта маркировка «38» и привела к ошибке, превратившись в калибр 3,8 см. По всей видимости, о появлении таких оснащенных пушками машин и говорит здесь автор (прим. пер.).

Нам предстояло наступать по прямой в западном направлении к бельгийской границе восточнее Люгтиха (Льежа), то есть дальше к северу от французского рубежа.

Глава 7

Франция, 1940 г

В начале мая мы передислоцировались на запад к горам Эйфель. Роммель с частью дивизии вел учебу с применением боевых боеприпасов. Мы обсуждали будущее со старшими командирами и офицерами запаса, принимавшими участие в Первой мировой войне.

– Легкой прогулки, как в Польше, не ждите, – предостерегали нас они. – Французы и британцы – совсем другой противник.

Мы же, молодые, отвечали в том духе, что того, что было – окопной войны 1914–1918 гг., – теперь быть не должно и не может. Наши танковые части обладают невиданной прежде подвижностью – в ней наша сила. Мы то и дело вспоминали Гудериана и огонь в его глазах, когда он объяснял нам тактические тонкости. Роммель, пехотинец Первой мировой, воевавший в Альпийских горах, в процессе подготовки доказал нам свое верное понимание задач подвижной войны и показал себя способным возглавить нас, танкистов.

Вечером 9 мая майор Эрдманн вызвал к себе эскадронных командиров.

– Завтра утром мы вступаем в Бельгию. Противодействие на границе необходимо преодолеть быстро. Цель нашей 7-й танковой дивизии – река Маас около Динана. Вместе с 5-й танковой дивизией мы будем действовать в составе танкового корпуса генерала Гота, который возглавит острие наступления через Арденны²². Нашему разведывательному батальону может достаться честь стать головным подразделением дивизии.

В 05.32 10 мая мы рванулись вперед. Бельгийские заставы на границе либо отступили, либо сдались. Следуя по северной оконечности герцогства Люксембург по трудной местности Арденн, мы выдвинулись на запад и, не встречая серьезного противодействия, 12 мая вышли к р. Маас севернее Динана. С возвышенности нам открывался вид на долину и поросшие густым лесом холмы дальше на западной стороне реки. Мы, однако, увидели и уничтоженные мосты – мосты, которые Роммель предпочел бы получить целыми. Мы принялись медленно, с осторожностью нащупывать дорогу в долину, но почти сразу же угодили под сосредоточенный прицельный орудийный огонь.

Роммель очень часто появлялся в частях в то время, чтобы лично составить представление о складывавшейся обстановке. Он приехал в специальной командирской бронемашине, оборудованной рацией.

– Что происходит? – спросил он.

– Артиллерия не дает продвинуться, – ответили мы.

– Дайте-ка мне посмотреть. Откуда бьют?

Выпрямившись во весь рост в своей бронемашине, он принялся изучать противоположный берег в бинокль. Спокойный и уверенный – ни следа замешательства или нервозности, – он в несколько минут принял решение.

– Стойте на месте, – приказал он нам. – Это дело пехоты.

Майское солнышко припекало. Внизу в долине мирно текла река. Скоро мы увидели, как подразделения 7-го стрелкового полка²³ спускаются по склону в сопровождении армейских

---

²² Формально корпус генерала танковых войск Германа Гота назывался 15-м армейским (моторизованным), хотя по сути являлся танковым соединением. К 10 мая 1940 г. он входил в состав 4-й армии генерал-полковника Гюнтера фон Клюге (из группы армий «В» генерал-полковника Федора фон Бока). 16 ноября 1940 г. этот корпус был преобразован в 3-ю танковую группу, впоследствии ставшую 3-й танковой армией (*прим. ред.*).

²³ 27 октября 1939 г. в составе 7-й танковой дивизии сформировали 7-ю стрелковую бригаду под командой полковника Фридриха Фюрста. В нее вошли прежние мотопехотные части 2-й легкой дивизии – 6-й и 7-й кавалерийские стрелковые полки (Kavallerieschützenregimenten), которые соответственно 20 марта и 28 февраля 1940 г. были переименованы в стрелковые (Schützenregimenten). С 5 июля 1942 г. эти полки стали называться танково-гренадерскими (Panzergranadierregimenten), а 7-

саперов с резиновыми лодками. Далее к югу, у самого Динана, пришел в движение 6-й стрелковый полк.

Не успели спустить на воду первую лодку, как разыгрался самый настоящий кошмар. Снайперы и артиллерия обрушили огонь на беззащитных солдат в лодках. Наши танки и артиллерия попытались нейтрализовать неприятеля, однако он имел надежные позиции. Пехотная атака увязла.

Роммель поехал к Динану, чтобы посмотреть, не лучше ли пошли дела у другого полка. Но и там тоже одна за другой резиновые шлюпки шли ко дну.

– Нужен дым, – заключил Роммель, однако мы не имели в наличии дымовых боеприпасов. И тут Роммель нашел один из оригинальных выходов – как часто бывало, нашел сразу на месте: приказал поджечь здания, дым от которых ветром погнало на запад, и под прикрытием такой импровизированной завесы наступление возобновилось. Стремительным вихрем Роммель вернулся к нам, чтобы организовать огневое прикрытие для 7-го стрелкового полка. Он лично принял командование 2-м батальоном. Со второй волной Роммель переправился через реку, где удалось создать маленький береговой плацдарм (иначе предместное укрепление) прямо под носом у французов, которые сражались храбро.

Ночью саперы переправили на другую сторону первые танки. Утром 14 мая мы поддерживали атаку пехоты.

Роммель вновь был там – не мог усидеть на своем командном пункте. Командирский танк его получил попадание, и водитель съехал в ров. Роммеля легко ранило, однако он поспешил вперед под огнем неприятеля.

я стрелковая бригада – 7-й танково-гренадерской (в декабре 1942 г. эта бригада была упразднена, а оба ее полка напрямую подчинены управлению дивизии) (*прим. ред.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.